

ДЖОКЕР

Агурина

Аделаида

Аделаида Агурина

Джокер

«Э.РА»

Агурина А. Е.

Джокер / А. Е. Агурина — «Э.РА»,

Алина просто шла на работу и даже не представляла, что её жизнь изменится буквально за несколько секунд. Те несколько секунд, когда троллейбус уже был готов сбить зазевавшуюся девушку. Чудом избежавшей столкновения Алине предстоит много узнать. И о существовании параллельных миров. О людях, живущих одновременно в этих мирах и в нашем мире, и даже подчас не подозревающих об этом. И о тех счастливицах, которые имеют возможность жить в нескольких мирах и помнить о каждом событии в своей жизни. Сама Алина теперь тоже принадлежит к этим избранникам судьбы. Хотя можно ли назвать её счастливницей? Ведь в жизнь Алины вмешивается древний мистический Джокер, давший ей магическую силу лишь затем, чтобы иметь удовольствие наблюдать за попытками девушки справляться со свалившимися на неё проблемами. Свалившимися на голову девушки как раз из-за этой силы.

© Агурина А. Е.

© Э.РА

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Аделаида Евгеньевна Агурина

Джокер

Глава 1

Алина сама себе не верила. Вот она сидит непонятно где и играет в «дурака». Простого карточного «дурака» на непростой приз. Ведь от результатов игры зависит, что дальше будет у неё в жизни. Определённо – зависит. Девушка вздохнула и покрепче сжала карты, сложив их веером. Она только что отбилась от пяти карт этого прыщавого болвана и теперь, набрав новые из колоды, позволила себе двухсекундный отдых. Так, всё, хватит. Теперь ходим. Соперник – тоже парень, но гораздо посимпатичнее прыща, уже ждёт её. Вот сейчас она сбросит ему немного мелочи...

Нет, наверное, нужно начать с предыстории. Про то, как Алина вышла из дома утром, твёрдо собираясь попасть на работу вовремя (в кои-то веки!). Или даже не так. Поход на работу, особенно содержащий в себе передвижения на городском транспорте – не увлекателен. Нужно начать, наверное, с того, как Алина упала прямо под колёса этого самого транспорта. Столкновение было неизбежным, тело Алины – мягким и хрупким, а транспорт – большим и железным. «Ну, вот и всё, – подумала Алина, закрывая глаза. – И на фига столько денег вчера в парикмахерской оставила...» Подумать о том, что деньги ей скоро понадобятся ещё меньше, чем новые причёска и маникюр, Алина просто не успела. На удивление мягкий удар, и сознание уплыло... чтобы вновь возвратиться через некоторое время. Алина села и с удивлением огляделась по сторонам. Транспорта не было. И вообще – вокруг не было никого. И вид был странный. Наверное, именно так должен выглядеть город после атомной катастрофы. Или не так. Алина не знала. Только догадываться могла. Пустынные серые улицы, кое-где покорёженные автомобили, ветер, гоняющий обрывки газет, чёрные провалы окон. И небо... какое-то странное, видать – совсем больное, красно-розовое. Алина закашлялась от попавшей в горло пыли. Сначала девушка недоумевала. Но недолго. «Я просто сошла с ума. Удар повредил мозг и вот теперь...» Странно, но от этой мысли стало неизмеримо легче. Видно, так уж устроен человек. Логичное объяснение ситуации радует его больше, чем неизвестность. Пускай даже само это логичное объяснение весьма пугающе. Алина встала и побрела. Не очень задумываясь – куда. «Ведь в конце концов, если моё тело сейчас в смирительной рубашке, прикручено к кровати или бьется о мягкие стены – какая разница?» Так она и брела, разглядывая пугающие, но не лишённые какой-то своеобразной красоты пейзажи. Пока её не окликнул голос.

– Эй, ты что на моей территории делаешь?

Алина обернулась. Прямо на неё смотрели чёрные глаза невысокого мужчины. «И откуда он вынырнул?» – задумалась Алина, но быстро спохватилась. Ах, да, он же галлюцинация. И она продолжила движение.

– Ты вообще слушаешь? – новый окрик заставил её на секунду замереть на месте. – Иди сюда!

– Постой, да она же новая! – другой голос, – мягкий женский голос, – заставил Алину в удивлении обернуться. Рядом с мужчиной стояла девушка примерно Алининого возраста. Этакая амазонка постапокалиптического мира. И потом, обращаясь уже к Алине:

– Эй, постой. Подойди сюда!

Почему-то «идти сюда» девушке вовсе не хотелось. Совсем никак. С другой стороны – убежать от мотоцикла? Это только в некоторых фильмах срабатывает. И даже там герой совсем другого физического типа. Пока девушка раздумывала, амазонка сама подошла к ней.

– Да ты не бойся, – сказала она дружелюбно. – Меня вот Верой зовут. А тебя?

– Алина... – пробормотала девушка. – Вы хотите сказать что... тоже... из нашего мира? Парень на мотоцикле засмеялся. Да нет, он просто загоготал, откинув голову. Как там по-английски в таком случае? Взорвался смехом? Теперь понятно, что они имеют в виду.

– Извини, – развёл руками он, – просто ты сейчас так выглядишь...

«На себя бы посмотрел, дурень!»

– Так я попала... – начала снова Алина, переключившись на Веру, которая казалась более адекватной собеседницей. И уж куда более приятной.

– Попала? Ты о чём?

– Ну как эти... из книг. Попаданцы!

Вера вздохнула и мрачно спросила:

– Фэнтези читаешь?

– Раньше читала. Неужели я...

– Ну, может быть. Но не так, как ты думаешь.

– А как? Мне разве не нужно искать дорогу домой?

– Ага, иди по дороге из жёлтого кирпича, Элли, – фыркнул парень, стараясь удержаться от нового взрыва смеха.

Вера зыркнула на него и продолжила:

– Ничего тебе не надо. Твой... наш мир сам предъявит на тебя права. И ты вновь окажешься там же, откуда стартовала. Через пару миллисекунд от старта.

«Таким образом троллейбус от меня не уйдёт...» – взгрустнула Алина. Вера по-своему истолковала, видать, её грусть и сказала:

– Это может произойти через месяц или два, но всё равно произойдёт. Если, конечно, не застрянешь в каком-то ещё мире на месяц-другой. Ну, и ещё если сама не захочешь остаться. Но тут статус нужен. В конце концов, такой ты родилась.

Эти несколько фраз вызвали в голове Алины столько вопросов, что она некоторое время не знала, с какого начать. Поэтому задала их все:

– Что значит – ещё мир? И какой статус? И вообще, я раньше что-то за собой не замечала такого.

– Вот именно – не замечала. Все такие, как мы, пропадают иногда максимум на секунду. Эту секунду они живут в подобных мирах, но не помнят ни о чём. Видишь ли, пока человек в одном из... миров, то сколько бы он там ни гулял, в нашем реальном мире, – мире, где мы родились, – проходит секунда, не больше. А вот пока ты в реальности, время в этих... мирах течёт параллельно. Проведёшь месяц в реальном мире – месяц пройдёт и здесь. Ты просто исчезнешь отсюда. На это время. Так и путешествуют многие. У некоторых есть другие имена и судьбы. Каждая в своём мире. Так и всю жизнь можно прожить и не заметить, не вспомнить. Но некоторые просыпаются. И отныне всё помнят. Таких мы называем новыми или проснувшимися. Говорят, пробуждение всегда происходит при каком-то сильном стрессе. У тебя... что-то подобное было?

«Да уж... стресс – стрессовой некуда!» – вздохнула Алина. Но рассказывать ей почему-то не хотелось, и она продолжила забрасывать новую знакомую вопросами:

– И почему вы другим не рассказываете, не помогаете им проснуться?

– А зачем помогать? – спросил парень недоумённо.

– Это бессмысленно. Совершенно, – ответила Вера, – ведь когда они очутятся вновь в нашем мире, они снова всё забудут.

– А найти их в реальности?...

– И получить пожелание пробежаться до психиатрической палаты и дверь за собой закрыть? Зачем? Да и найти кого-то не так просто... тут ведь люди со всего мира. Вот он, – Вера указала на парня, – из Бразилии.

– И ты говоришь по-русски, – восхитилась Алина.

– Мы говорим не по-русски, если ты не заметила. Хотя... ты не заметила. Ты ведь уже говорила на этом языке раньше... когда попадала сюда неосознанно. И теперь... в общем, это сложно. Побудешь тут немного, увидишь разницу и поймёшь.

Алина хотела о чем-то спросить, но не успела.

– Крпи! – крикнул парень. Вера сразу же замолчала и как-то подтянулась. Она озабоченно посмотрела в темноту уходящего влево переулка.

– Сажай её, – крикнула она парню.

– А ты?

– Я телепортируюсь. Встретимся в универе.

Ничего не понимающую Алину посадили на мотоцикл. Она автоматически вцепилась в мотоциклиста, и они понеслись по городу.

Алина никогда не ездила на мотоцикле. И никогда не было у неё такой мечты – погонять на мотоцикле. Хотя ощущения и вправду необычайные. Они неслись, прорезая воздух. Алина всегда смеялась над подобными фразами, и вот теперь с удивлением поняла – именно прорезая воздух, иначе и не скажешь. Никаких «крпи» она не видела. Наверное, ещё и потому, что боялась повернуть голову. И даже глаза раскрыла не сразу. Они неслись по городу, который с приходом вечера оживал буквально на глазах. Зажигались огни, на улицы выходили странно одетые люди, где-то она заметила костры, слышала музыку и голоса. Поездка превратилась в какой-то сплошной поток музыки, света, ветра. Всё в голове гудело и переливалось перед глазами. Пока наконец Алина не сообразила, что обнимает не водителя мотоцикла, а пустоту. И, вздохнув, она свалилась в густую траву.

Охая и ахая, Алина поднялась, чтобы понять, что она уже не в городе. Точнее, в совершеннейших развалинах. Если тут и был город, то сейчас остались лишь каменные остовы кое-где. Алина чувствовала себя, словно попала на раскопки. Ну, или в очередной фильм про Индиану Джонса. Пока она пыталась прийти в себя, невдалеке раздался стук копыт. Девушка обернулась и обомлела. Прямо на неё нёсся рыцарь в полном облачении и, естественно, на лошади. Копьё наперевес вызывало не самые приятные ассоциации. Рыцарь летел прямо на неё. Алина застыла – она понимала, что нужно бежать, но не могла сделать и шагу. Только закрыть глаза. Мир вновь расцвёл тёмной пустотой, сменившейся лицом Веры.

– Ну, ты и горазда прыгать по мирам, подружка. Я уж думала – всё, потерялась. Хорошо, что вернулась.

Алина застонала.

– Да что ж это за место такое! Места...

Вера лишь пожала плечами.

– Никто наверняка не знает. Есть мнение, что миры кто-то создал, а есть – что они изначально были. Есть мнение, что миры параллельны, например. Ну, то есть те несколько городов, которые присутствуют в этом, например, мире. Он на удивление маленький. Несколько городов – и всё. Но здания в этих городах похожи все... либо по виду, либо по назначению. Сантиметр в сантиметр. Даже памятники. Хотя никто точно не знает. А миров... их много. Только большинству доступны поначалу два, три. Иногда четыре. Редко кому больше. Этот мир, кстати, почему-то доступен всем. Кажется.

Алина вновь хотела застонать. Но кое-что вспомнила. И резко села на кровати.

– Так. Что ты там говорила про статус.

– А, хорошо, что вспомнила! Всем проснувшимся нужно обрести себя в мирах. Поэтому они и играют. От выигрыша зависит твой статус. Это... даже сложно объяснить.

– Как в компьютерной игре, – подсказала Алина.

– Наверное, – пожала плечами Вера, – высокий статус даёт некоторые поблажки. И даже способности. Главное – при наличии хоть какого-то статуса гораздо легче находится в мирах.

Нет, можно и без него, кто же против? Но это так долго получается – обретать способности. Гораздо легче в одной игре.

«Всё, я точно в психушке, – подумала Алина. – Иначе и быть не может». А вслух сказала:

– И как играть?

– Да просто. В карты или в шахматы.

– В карты? В шахматы?

– Но в шахматы ты играешь с одним из лучших игроков. И если проиграешь... в общем, лучше не проигрывать. А...

– Ладно. А в карты?

– В карты играют новичок и проснувшиеся. Новичков должно быть как минимум два. Выигравший выбирает любую карту из колоды как свою...

В ответ на недоумённый взгляд Алины, Вера быстро сказала:

– За каждой картой несколько возможных вариантов, равных. Но всё же немного отличающихся. Можно будет выбрать из них. Если новичок выходит вторым – может выбрать любую карту из колоды наугад. Ну, а остальные – самые слабые из тех, что на руках остались. Разумеется, это касается новичка. Если второй, третий или четвёртый – проснувшиеся давно, то они не получают ничего.

– Но ведь тогда, например, четвёртый может оказаться в более качественном шоколаде.

– Может. Точнее, он и не выходит из этого шоколада.

– Это ведь нечестно!

– Возможно. И так иногда получается.

– А что за игра?

– Что? Я думала, ты поняла. «Дурак» обычный.

– То есть такие вещи решаются выигрышем в «дурака»? Но это же бред! – Алина даже подскочила.

– А кто спорит? Бред, конечно, – спокойно согласилась Вера. И, видимо, чтобы Алина не отвлекалась, напомнила, как бы и не ей, говоря:

– Неудачно, что у тебя теперь так мало времени до игры. Ведь тебя нашли второй.

– Я вообще-то умею играть в дурака, – чуть недоуменно произнесла Алина, – если только тут стандартные правила.

– С небольшими изменениями, – улыбнулась Вера, – колода не тридцать шесть карт, а пятьдесят две, пики всегда козырь, и есть джокер.

– Наверное, его всегда и выбирает выигравший. Или пикового туза.

– Нет, вовсе нет.

– Почему? Ты же говорила, что всегда выбирается самая сильная карта.

– Я говорила, что выигравший может выбрать любую карту. Но с джокером... тут единственный случай. Эта карта принимает не всех. Да и не все хотят её принять. Уж больно она капризна к своим избранникам. И необычна.

– Каким образом?

– Видишь ли, карты тут... я имею в виду выбранные высокие карты – играют большую роль. Они не только наделяют способностями, но иногда и влияют на жизненные ситуации своих хозяев. Или избранников. Тут даже считается некоторыми, что карта сама выбирает человека, а не он её. В любом случае, высокие карты – так называются у нас все карты выше десятки – влияют, кажется, и на жизненные ситуации своего владельца, и даже на его характер. Доказать это, ты сама понимаешь, невозможно. Но такое мнение очень устойчиво. Есть более спокойное мнение, что карты пробуждают сильнее то, что в человеке и так уже было. Так вот, Джокер побуждает к свободе, учит хитрости, но при этом считается, что он может вызвать на голову человека кучу не очень приятных и даже подчас опасных ситуаций. А потом смотреть, как человек из этих ситуаций выпутывается. Правда, ещё говорят, что Джокер дарит

толикой удачливости. Но это уже такая неуловимая и недоказуемая субстанция, что... – тут Вера развела руками.

Алина кивнула, и амазонка продолжила:

– К тому же, у некоторых более младших карт хоть и силы поменьше, но есть особые способности, которых нет даже у карт постарше. Например, все дамы прибавляют харизмы. Особенно дамы червей и пик. И очень сильно прибавляют, надо сказать. Я тут с парнем общаюсь, и знаю, что у того – дама червей. А сделать ничего не могу. Тянет к этому парню и всё. А он и рад, конечно. Пользуется своей картой на полную катушку.

– Дебилы. Мужчины всё-таки низшая ступень эволюции. Кобели, никогда удержать то, что болтается, не могут, – презрительно сказала Алина. На эту тему она могла бы рассуждать бесконечно, – были свои причины, – но Вера прервала её.

– Посмотрим, как ты запоёшь, если встретишь парня с высокими черви в кармане!

Алина презрительно фыркнула. Вера сделала вид, что не заметила.

– Так что некоторые предпочитают выбирать вовсе не самую сильную карту. Если что-то вообще выбирают. А есть те, кто вообще выбирает десятку. Хорошая стартовая карта, между прочим. Не слабая, но без завихрений. Правда, не аристократка по статусу.

– Как это – если вообще что-то выбирают?

– Просто. Не так уж и приятно жить на два, а то и на три-четыре мира. Поэтому многие предпочитают уйти.

– И они больше не появляются в других мирах?

– Понятия не имею. Но официально считается, что они снова засыпают. И продолжают, как и прежде, жить здесь неосознанно.

– Это глупо.

– Не так, как кажется на первый взгляд. Я живу всего лишь на два мира. И то, чуть с ума не сошла поначалу. Но уйти можно только после того, как ты тут немного проживёшь. Вот когда тебя в следующий раз в реальность бросит – настроиться, что больше не хочешь возвращаться. Практически всегда удаётся. Так что от игры всё равно никуда не денешься.

– Хорошо, а как с шахматами?

– Ты хочешь попробовать?

– Нет, но...

– Тогда зачем спрашивать? Оно мне не надо, но всё равно спрошу? Лучше побольше про карты узнать. Времени у нас до игры, между прочим, совсем не осталось. Точнее, у тебя.

– И всё же, как с шахматами? – упрямо продолжила Алина.

Вера посмотрела на неё с удивлением. Да что там с удивлением. Как на сумасшедшую посмотрела. Только разве пальцем у виска не покрутила. Но ответила:

– Выиграешь – выбираешь любую фигуру. Это круто. Хотя... никакой особой разницы между возможностями карт и шахмат нет. Проиграешь – получаешь ту фигуру, которую даст тебе выигравший. Чаще всего это пешка. Соответствует карточной двойке. Довольна, или ещё про шахматы?

– Довольна, – ответила Алина, скрывая раздражение.

– Итак, карты. Начнём с...

Тут девушек прервали. Весьма грубо. Сиреной. Вера выругалась. В ту же минуту в комнату вбежал парень, – тот самый, который и привёз сюда Алину.

– Игра скоро начнётся. Только доехать успеем.

– Почему так быстро-то? – спросила Вера.

Тот лишь плечами пожал:

– Решение Ордена. Поехали!

Он весьма бесцеремонно схватил Алину за руку и потащил из комнаты. В любом другом случае девушка возмутилась бы подобной наглости, но сейчас её волновало нечто иное.

– Какой Орден? – спросила она, стараясь поспеть за своим спутником и тем самым спасти руку от вывиха.

– Орден – он всем тут управляет. На самом деле редко кто видел его представителей. Просто они как-то знают, когда появляется новый проснувшийся, и начинают игру. Так же они выбирают четверых игроков, – Вера тоже прилагала усилия, чтобы не отставать.

– Они из нашего мира?

– Понятия не имею.

– Они как правительство?

– Ты ещё президента вспомни, – насмешливо отозвался парень.

Алина обиженно закусила губу. «Ну почему они здесь все – такие хамы? Это что – привычка? национальная особенность?» Вера, тем временем, ответила:

– Никто никогда не отказывает представителям Ордена. Их законы – правило, наказание заслушание – рабство или смерть. Если не можешь убежать от стражников. А обычно не могут. Даже старшие карты. Но законы они издают редко. Они распределяют энергию и многое другое. Но при этом никто не знает, на что они живут. Хотя они и владеют станциями, но я никогда не встречала того, кто мог бы похвалиться, что работает там. И никогда не встречала того, кто бы платил налоги. Рассказывают, правда, что Охотники Ордена охотятся на людей. И любой, кто попал им в лапы – обречен служить Ордену. А из прежней своей жизни он просто пропадает. Да так, что никто и не помнит, что такой человек когда-то был.

Почему-то при этих словах Алине стало не по себе.

– Неужели никто не пытался...

– Поднять революцию? – насмешливо спросил парень. – Но ведь точно никто ничего не знает.

– Хотя бы узнать...

– Может, и пытались. Правда, теперь и следов их не найти. Никто просто не помнит. И работают бедняги, ставшие зомби, на конвейере одного из заводов или станций. Говорят ещё о каком-то там Соппротивлении. Но опять же – точно никто ничего не знает. И узнавать не хочет особо. Но если хочешь, поспрашивай – может, и найдёшь этих загадочных ребят.

Если раньше Алину бросило в холод, то теперь в жар.

– Не пугай её, – сказала Вера, – неизвестно, сколько ещё придётся в этом мире проторчать.

– А сколько? – жалобно простонала Алина. Вообще-то её жалобный тон был вызван больше тем, что ей, кажется, окончательно вывернули руку. Но Вера, похоже, поняла всё немного по-другому.

– Высшие карты, те, что выше десятки, могут сами регулировать... ну, почти регулировать время пребывания в других мирах. Не менее двух недель, не более трёх месяцев. Остальных может выбросить когда угодно. Но...

– Помню. Помню. Всё равно пройдёт пара секунд, – ухмыльнулась Алина. В любом случае жить ей, похоже, оставалось не больше трёх месяцев. Круто. Дальше некуда.

Между тем они вышли на улицу. На этот раз уже Вера была их водителем. И на её машине Алине понравилось путешествовать куда больше. Возможно, потому, что на этот раз она могла оглядеться. Несмотря на вовсе невесёлые мысли, к удивлению девушки, любопытство вовсе не покинуло её. Она с изумлением рассматривала город из окна машины.

– А я сначала подумала, что раньше тут была война, – сказала Алина. Сейчас вовсе ничего не напоминало тот апокалиптический вид, что она наблюдала накануне. Да, можно было заметить и то, что дома скалятся окнами без рам и стёкол, просто проёмами, но зато освещёнными изнутри. Никуда не делись и брошенные – иные, наверное, уже давно – машины. Трещины в асфальте приходилось объезжать. Трава и деревья порой росли посреди дороги.

– Да нет. Просто высшие карты обладают способностью видоизменять пейзаж. До определённой степени. А среди них как раз оказались любители постапокалипсиса. Вот и поменяли.

– И что ещё они делают, кроме смены пейзажа? – поинтересовалась Алина.

– Да ничего мы не делаем! – фыркнул с заднего сидения её недавний знакомый. – На всем готовом живем же. Вот и творит каждый в меру способностей и возможностей.

– Кстати, это одна из теорий, почему никто так и не пытается ничего выяснить про Орден.

– Типа, все боятся, что вдруг самим придется работать, – поняла Алина. Вера и парень заулыбались.

Алина так и не узнала, как его зовут – сразу не спросила, а теперь вроде как-то стрёмно... всё ждала, что её знакомая обратится к парню по имени.

– Но раньше, – продолжила Вера серьезно, перестав улыбаться, – раньше тут была совсем иная жизнь и иная цивилизация. Так говорят устойчивые мировые мифы.

– Да? И какая тут была цивилизация?

– Скорее всего, похожая на нашу, – уклончиво отвечала Вера, – но... я не знаю, что потом произошло. И как Орден захватил власть. До сих пор иногда находят склады вещей этой цивилизации. Они – редкость, потому что Орден тоже ищет. И не очень любит, когда эти вещи падают ещё кому в руки. Но ты этого не слышала. А другие говорят, что это всё ерунда и маразм. И все склады, весь город возникли одновременно. Просто потому, что так веселее. Искать склады, клады... и делать какие-то логические выводы.

– Хорошо. Понятно, что ничего не понятно, – вздохнула Алина. И, вспомнив нечто, спросила: – А кто такие крпи... ну, или как вы закричали тогда...

Вера и её спутник переглянулись и расхохотались.

– Крпи... их не существует. Просто на улице слишком много ушей вокруг. А хотелось поговорить с тобой в более спокойной обстановке.

– Я бы и сама пошла.

– Ага, потом пошла... далеко.

Алина фыркнула и уставилась в окно. Ей показалось, что Вера что-то недоговаривает. Это обидело. Хотя... признаться честно – кто она такая Вере, чтобы сразу вываливать ей всё, что знает. И Алина, попытавшись подавить обиду, решила просто посмотреть в окно. Пейзаж того стоил. Вера была права – мир действительно представлял из себя некую параллель тому, в котором родилась Алина. Но – несколько странную параллель. Дома были очень высокими и какими-то нереальными. Возможно, из-за того, что во многих окнах не хватало стёкол. Хотя свет был, и по улице неслась музыка. Фонари тоже имелись. Только не на столбах. В воздухе висели шары. Совершенно спокойно покачивались чуть небольшие, в полметра диаметром шарики, которые и светились. Некоторые шарики имели ещё и крутящиеся кольца вокруг. Как Сатурн. А в голове Алины появились ещё вопросы, которые она не преминула задать.

– Тут что, вообще никто не работает?

– Издеваешься? Конечно, работают! С чего ты решила, что не так?

– Ну, вроде вы говорили, что никто не следит, налогов не платит...

– Это так. Хотя члены Ордена могут взять любую вещь бесплатно и у любого человека. Но работать тут работают. Торговцы торгуют, портные шьют, мастера что-то там мастерят. Фермеры выращивают еду. Даже дома чинят. И дороги. Но в основном роботами Ордена. Орден торгует энергией, что вырабатывают заводы. И каждый житель получает часть денег. Правда, мало. Хватит только, чтобы с голоду не умереть. Приходится работать, если хочешь жить красиво.

– А... – начала было Алина, но её прервали. Парень решил сказать своё слово.

– Есть мнение, – начал он тихо, – что этот мир не совсем реален.

– То есть как?

– То есть его создали те, кто сейчас в Ордене. Создали, дали ему какую-то нереальную историю, которой на самом деле не было. И населили его. То есть устроили из мира... или из миров... что-то типа ловушки. А люди реального мира, как доверчивые мухи, попадают в сети нереальных. По каким-то там физическим или метафизическим законам.

– Но зачем это кому-то понадобилось?

– Может, просто для развлечения, а может...

– А может – что?

– Может, и не просто.

Алина даже не знала, что и сказать, а Вера строго ответила парню:

– Тниен, прекрати! Ну, сколько можно.

– Тниен? Ты местный?

– Нет, – отрезала Вера, – просто тут другие имена. Не у всех. Каждый волен выбрать себе другое имя, точнее. Вот и ляпают, кто во что горазд. Я не стала. Тут с этим новым именем такая заморочка... как только ты его выберешь, то своё имя в реальном мире забываешь. А в реальном мире напротив – не помнишь своё имя в этих мирах. Кстати, не важно, что ты сама думаешь об их происхождении, эти миры принято называть нереальными.

– На самом деле, – начал было парень, но Вера перебила его:

– Придурки, они и в другом мире придурки!

На это Тниену ответить было нечего, и он лишь насупился. А Алина спросила:

– Это на каком-то языке?

– Да, конечно, – оживился парень. Вера хмыкнула, но он, не обратив внимания, продолжал:

– Это на кибертронском. Так звали Джетфайра. Всегда был фанатом трансформеров!

– Джетфайр – это автобот, да? Такой большой самолётчик белый...

Тниен радостно кивнул, а Вера почти неслышно прошептала:

– Ещё одна ненормальная.

Алина даже обидеться не успела, когда Тниен заявил:

– Приехали.

И вот Алина сидит за одним столом ещё с тремя игроками – длинноносой, но всё же эффектной брюнеткой лет сорока с огромными синими глазами и длинными ресницами, и двумя парнями, оба чуть старше её по виду. Особенно раздражал её прыщавый придурок, что сидел рядом с ней и нападал. Как-то глупо, сбрасывая вместе с мелочью подчас весьма сильные карты. При этом – в самом начале игры. При этом даже карты, которые были у него единственные данной масти. Как ему самому удалось отбрехиваться от атак своего соперника – Алина просто не представляла. Наверное, каким-то чудом. Впрочем, ведь Вера рассказывала, что тут некоторым даны чудеса. Ну... тогда садиться играть было, наверное, нечестно. В остальном – игра как игра. «Дурак» как «дурак». Только странно немного, что так долго длится из-за увеличенной колоды. И ещё за всю игру Алина так и не увидела джокера. Хотя Вера и говорила ей – джокер должен быть. Первым из игры вышел прыщ. Он выиграл и теперь выбирает. Второй – Алина. Это вовсе не способствовало повышению и без того весьма паршивого настроения девушки.

Пришла пора раздачи слонов. Прыщ заявил, что выбирает даму червей.

– Даму? Но ведь у тебя бубновый король. Ты готов поменять удачу на...

– Это моё право! – рявкнул прыщ. Алина еле удержалась от смеха, когда вспомнила фразу Веры о дамах червей. Да, поистине, этому именно данная карта необходима в таком случае.

Настала очередь Алины. Рука дрожала, хотя девушка и пыталась себя уверить, что ничего это не изменит. В свою удачу она как-то не верила. И всё равно – она ведь просто смертница с отсроченным приговором. Она осторожно взяла карту из разбросанной рубашками вверх колоды. Потом поднесла к лицу и перевернула. С карты, ухмыляясь и показывая зубы, казалось,

подмигивая девушке, скалился джокер. «Но ведь его не было в колоде!» Алина ещё во время игры хотела обратить на это внимание, сказать, что карту Джокера забыли... типа. Но не стала.

Остальные участники игры вообще не удивились. И восприняли неожиданное появление джокера спокойно. Вот только прыщ разозлился непонятно чему. Он оскалился так же, как джокер на карте, только у него ухмылка получилась не ехидно-зловещей, а какой-то пародийно-жалкой.

Алина всё ещё держала карту в руках, не спеша приходить в себя, когда услышала в сознании чужую мысль. Это было похоже на шепот, прерываемый тихим, словно звон бубенчиков на колпаке клоуна, серебристым смехом. *«Бери. Бери. Со мной не пропадёшь. Хи-хи-хи. Да и не скучно, хи-хи-хи. Может, даже слишком весело, хи-хи-хи. Но это не мои проблемы. Выбора нет. Выбрал я. Хи-хи-хи. Всегда выбираю я».*

Глава 2

Алина недоуменно смотрела на карту, которой тут не должно было быть. Карту, которая – она была уверена – говорила с ней только что. Случись это ещё день назад в привычной Алине реальности, она бы давно со страхом отбросила карту, словно ядовитое насекомое. Но сейчас Алина не могла заставить себя разжать пальцы. Да и не хотела. Джокер полностью завладел её вниманием. Она смотрела на ухмыляющееся лицо под дурацким колпаком и, казалось, видела, как Джокер подмигивает и кивает ей. Слышала, как звенят серебряные бубенчики на его колпаке. Между тем, карта поменялась. Джокер словно вытянулся, обрёл форму и потерял внезапно свою картонность и нереальность. Изменилось и всё остальное. Вместо белого фона – блестящая фиолетовая дорога, уходящая куда-то вдаль. Сночного неба скалилась луна с рисунком черепа на ней. Джокер же теперь представлял собой юношу в шутовском четырёхцветном наряде. Алина зачем-то обратила внимание, что цветов именно четыре – синий, красный, белый и чёрный. Колпак состоял всего лишь из двух цветов, если не считать серебряных бубенчиков – фиолетового и серого. Юноша стоял на дороге, лицом к Алине. На руке у него сидел ворон с пронзительными золотыми глазами. Теперь Джокер не выглядел ни смешно, ни злобно, – скорее, в серебре его глаз пряталась какая-то печальная улыбка. Впрочем, скоро улыбка сменилась чуть хищным длинным оскалом карточного Джокера. Алина даже подумала: «А не показалось ли?»

– Эй, что с ней? Что с ней случилось?

– Джокер с ней случился. А больше ничего.

– Но...

– Просто нужно оставить её одну. Джокер поистине странная карта. Он сам выбирает себе.

– Кого?

– В случае с Джокером и не назовёшь – кого. Помощников, игрушки, партнёров?

– Да... но ведь как-то нужно её из этого состояния выводить. Ты только посмотри – она даже не моргает. Это же каталепсия классическая. Даже смотреть страшно. А если...

– Вот и не смотри. И вообще, лучше нам сейчас уйти.

– Нам не лучше уйти. Мы обязаны уйти. Правила помнишь? Мы обязаны уйти, да ещё и дверь закрыть.

– Когда можно там возвращаться?

– Через час.

– Надеюсь, что через час мы обнаружим её живой... и в адекватном состоянии. Я помню, как тот парень слюни пускал после встречи с Джокером. Хотя почему – пускал... он и теперь пускает. Вот вчера его видел. Смотрит на меня стеклянными глазами и смеётся. Всё, тут уже клиника. Зачем ему вообще это? Я имею в виду Джокера. Ведь сам выбирает.

– Не знаю... просто не знаю. Наверное, все могут ошибаться. Не понимаю, правда, почему он их тогда просто не отвергнет.

– Ты ей не рассказала... о разных возможностях?

– Зачем? Какой смысл пугать человека. Вот выиграла бы, тогда рассказала. Хотя это против правил.

– Ладно, давай, двинули отсюда.

Алина даже не шелохнулась, когда дверь захлопнулась.

Алина смотрела на юношу. Её совершенно не удивляли изменения, происходившие с картой. Как и её собственная реакция на эти изменения. Наоборот, девушка чувствовала, что

так и должно быть. Всё правильно. И наверное, если бы у неё в руках остался прежний Джокер с неживым нарисованным лицом, вот это бы её сильно удивило. И ещё почему-то расстроило бы. Теперь для девушки не существовало ничего, кроме юноши с вороном, луны и дороги. Она не почувствовала, не смогла поймать ощущения перехода – когда и как она шагнула в карту и сама ощутилась рядом с Джокером. Но это случилось. Алина стояла на дороге и продолжала смотреть на юношу с вороном. Одновременно она ощущала шелковистость песка, которым была усыпана дорога, – Алина вновь не удивилась, обнаружив себя босой, – она слышала редкие резкие вскрики каких-то ночных птиц, чувствовала необычно тёплый ветер, кожей ощущала лёгкость и воздушность платья, которое заменило её костюм. В лунном свете платье переливалось всеми цветами сине-фиолетового спектра. Оно шурило, но было лёгким, как шёлк. Впрочем, девушке было всё равно. Единственное, что для неё сейчас имело хоть какое-то значение – это её собеседник. Юноша же молчал. Он словно давал Алине время привыкнуть к перемене обстановки. Девушка чуть раздражённо повела плечами. Зачем ей вообще к этому привыкать? Какая разница в обстановке, когда рядом – он. Джокер понял её. Он нахмурился и чуть качнул головой. Ворон каркнул и вновь умолк.

– Добро пожаловать, – начал Джокер. Забавно, наверное, но его голос был совсем иным, нежели тот, почти визгливый, срывающийся на хохот, который Алина слышала раньше. Но это её тоже не удивило. Как и всё остальное здесь.

Алина почувствовала, что по коже побежали мурашки. Какой у него голос! И как он красив! Даже нет, не столь красив сколь... притягателен. А она и в правду считала, что «подгибаются колени» – это только выражение речи. Девушка никогда не испытывала подобного. Сейчас больше всего на свете Алине хотелось хотя бы дотронуться до него... ощутить запах его кожи, вдохнуть его дыхание. Горячая волна, родившаяся внизу живота, спиралью поднялась вверх и накрыла с головой. У Алины раньше был парень. Точнее, не парень, а тот, с кем она встречалась, но так и не дошла до самого главного. Не хотелось ей, пугалась, и – придумывала сотни причин, чтобы оттянуть тот самый момент. Парень потерпел немного, а потом ушёл к её подруге, на прощание покрутив пальцем у виска. Да ещё и начал распространять по общим знакомым, что «эта фригидная сука только рестораны с цацками и хотела». Самое интересное, что наиболее шикарным рестораном, в который тогда приглашали Алину, был Макдональдс, а наиболее роскошной цацкой – браслет из пластика. Так что совершенно непонятно было, что именно... впрочем, слухи распространялись так активно и с чувством, что... Алина даже сама тогда поверила, что она не совсем нормальна. А теперь только поняла. Нет, всё с ней в порядке. Просто... не было тогда того чувства. Даже ничего похожего. И, наверное, просто казалось ей, что тот человек нравится. И тут же, внезапно, она поняла, узнала откуда-то, что такое сильное чувство, такое всепоглощающее желание, которое сжигает её сейчас, она не испытает никогда, ни с кем больше, кроме стоящего сейчас перед ней Джокера. Она может влюбиться, она может получать истинное наслаждение от любви и близости, но... всё это и в сравнение не идёт. Мысли у Алины путались, кожа, кажется, горела изнутри. Удивительно, как она вообще себя держала в руках. Единственное, чего хотелось – это кинуться вперёд, к нему.

Джокер смотрел на неё сочувственно. Он погладил ворона по голове. Тот повернул голову и чуть каркнул, словно спрашивал что-то.

– Сам видишь, – сказал Джокер обречённо.

Ворон ещё раз каркнул.

– Не поможет, – покачал головой Джокер, – и ты об этом знаешь. Что за детский сад?

Ворон каркнул мягко. И, едва взмахнув крыльями, осторожно оторвался от руки Джокера и перелетел на руку Алины. Острые когти вцепились в кожу, ворон устраивался. Алина чувствовала боль от когтей, но это волновало её сейчас меньше всего. По какому-то странному наитию, она посмотрела в золотые, казалось излучающие солнечные лучи, глаза птицы.

Из этих глаз словно потянулись еле видимые ниточки к глазам Алины. Ей было неприятно, хотелось отвести взгляд, но она не могла, пока сам ворон не отвернул голову. Потом он грузно взлетел и вновь уселся на руку Джокера. А Алина почувствовала, что и стоять, и дышать ей уже легче. Нет, почти всё оставалось по-прежнему, и сделай этот странный юноша хоть какой-то намёк, она бы не задумывалась. Но... по крайней мере, она уже могла контролировать себя.

– Теперь нам легче будет говорить, – сказал Джокер. От разочарованности в его взгляде, которая была ещё недавно, не осталось и следа. Теперь в глазах плясали зазорные огоньки. «Словно у мальчишки, придумавшем какую-то новую проказу», – неожиданно подумала Алина. Ворон тут же одобрительно каркнул, посмотрел вверх на Джокера, а потом зашёлся хриловатым смехом. Джокер лишь пожал плечами.

– Банальности, банальности... как меня достают банальности! Ну почему все думают обо мне именно так? Даже пошло.

– Если о тебе все думают именно так, то, может, потому, что ты сам... именно банален? И окружающие просто не могут себе представить нечто иное... не ждут ничего другого, – Алина начала говорить смело, отчаянно чувствуя необходимость хоть как-то взять реванш за то, что он заставил её чувствовать. Удивительно было даже ей самой. Она всегда была более чем застенчива. Правда, и в этот раз застенчивость победила. Хотя бы и к концу фразы. Правда, этот самый конец фразы Алина буквально смяла и произнесла тихо, неразборчиво и неуверенно. За что застеснялась ещё больше. «Всё, ни слова больше не скажу», – решила она. Джокер совершенно не обиделся. Только усмехнулся.

– Может, из тебя и выйдет толк.

– В каком плане?

– В любом. Я... стар, леди, очень стар... даже если говорить более романтично – я древность. А мой отец и того древнее. По сути, он, наверное, самое древнее, что есть в этой вселенной.

Алина слушала молча и затаив дыхание. Голос Джокера словно заипнотизировал её. Девушка не сразу заметила, как он меняется, становясь более хриплым и каким-то каркающим. Так же, как менялось и его лицо, заостряя черты, сжимая кожу. Когда Алина отдала себе сознательный отчёт в этом, перед ней стоял уже не юноша, а глубокий старик с длинной белой бородой, закутанный в плащ жемчужно-серого цвета. Но, несмотря на возраст, старик выглядел настоящим воплощением силы. И эта сила вызывала страх... но и притягивала. С удивлением Алина поняла, что желание, которое она испытывала при виде юноши, вовсе не уменьшилось. Просто оно стало каким-то иным, – если желание вообще может стать иным. Ощущение силы стоящего перед ней, ощущение возможной опасности, исходящей от него, придали желанию новый вкус. И Алина не сказала бы, что ей не нравится это новое чувство. Впрочем, долго разбираться в своих чувствах она не могла. Старик несколько секунд пристально посмотрел на девушку, рассмеялся, и... вновь перед Алиной стоял знакомый юноша. Ну... более менее знакомый. И он продолжал свой монолог так, словно ничего и не случилось.

– В этом мире слишком многое мне известно. Я не скажу, что мне скучно. Мне, конечно, тоже бывает скучно. Но никогда надолго. Долгая скука – привилегия идиотов. Но... иногда всё и все так похожи... конечно, я сам виноват в том, что меня сложно удивить. Но если кому-нибудь это удастся – я счастлив. Самое неприятное в этой ситуации то, что те, кто могут – не хотят... или просто не знают – как. А те, кто хотят – не могут. Это настоящая проблема. И решить её, кроме меня, никому. Иногда я решаю её... иногда ошибаюсь... иначе не было бы интересно.

Алина задумалась. Так что, ей уготована роль возможного развлечения? Или возможной ошибки? Она нахмурилась. Джокер сделал вид, что не замечает этого...

– Леди... да, у тебя же ещё нет имени, – быстро проговорил он.

– У меня есть имя.

– А меня оно не устраивает.

Алина хотела сказать, что это личные проблемы Джокера, но внезапно спросила:

– А у тебя есть имя?

– О, их так много... – вздохнул Джокер. А потом чуть опустил голову, спрятав улыбку, и добавил смущённо: – Признаюсь, я сам их все уже не помню.

– Зачем же столько имён?

– Ну... так получилось. Каждый горазд дать мне новое имя. И новый облик с характером заодно... правда, в основных чертах я остаюсь всё тем же всегда. Хоть за это спасибо.

– А есть ли среди твоих... имён хоть одно настоящее?

– Сам себе постоянно задаю этот вопрос! – воскликнул Джокер неожиданно радостно. – Может, я даже когда-нибудь вспомню. Ведь было же у меня имя, когда я пришёл... – последнюю фразу Джокер сказал таким мечтательным тоном, что Алина не решилась портить момент грубым вопросом – а куда, собственно говоря, он пришёл?

– Так всё же. Как тебя называть?

– Так просто же, – спародировал её тон юноша, – ты ведь знаешь, как меня зовут – Джокер. Ну... ещё, наверное, можно назвать меня Чёрным рыцарем... или Чёрным конём. Но это – для выбравших другую игру.

– Именно чёрным? – уточнила Алина.

– Именно чёрным. Хотя, белый мне иногда тоже нравится. Но он занят.

Алина не стала уточнять – кем. И вернулась к предыдущей теме.

– Так чем тебе не нравится моё имя? И главное, почему в угоду тебе я должна его менять?

– Твоё имя слишком обиденно. А менять ты его должна... потому что я так решил. Я ведь тебя выбрал, разве не так?

Дерзкий опровергающий ответ уже готов был сорваться с губ Алины, но она промолчала. Ведь по сути, учитывая, что произошло, Джокер был прав.

– В любом случае, другого имени у меня нет.

– Так найди. Тебе подойдёт имя, которое включает луну. И дорогу, конечно. Любые имена моих избранников должны включать в себя дорогу... пока.

– Ага, так и буду называться – Лунная Дорога. И кстати, пока что?

– Отличная идея. Только на другом языке. И кстати – пока мне самому не надоест. Вот, например, лет сто назад имена моих избранников должны были включать песню... что-то связанное с песней. Пока мне не надоело. И я придумал другое условие.

– Это обязательно? Другой язык?

– Нет, но так прикольное.

Алина вздохнула.

– А если я не хочу... э-э... становиться твоей избранницей?

– Разве? – парень отпустил в небо ворона и подошел совсем близко. Алина ощутила его дыхание на коже. От этого ощущения её снова бросило в жар подобно тому, как это было несколько минут назад. Она попыталась отойти, но не смогла. Только пробормотала:

– Я... не знаю... может быть...

– Ну, вот и решили, – совершенно спокойно сказал Джокер, отойдя от девушки. Алина замотала головой, отгоняя морок. Да что же это такое, в самом деле! Не будет ли лучше бежать от него подальше? Да, наверное, так и будет лучше. Но одно дело принять решения, а другое – ему последовать. Совсем другое. Алина осознавала, что ничего не может сделать в данной ситуации, и ей придется лишь стать наблюдателем, пассивным листком, который только и может, что плыть туда, куда несёт течение. От этой мысли слёзы навернулись на глаза.

– Прекрати, – сказал Джокер тихо, но твёрдо. – Не так всё и страшно. Пока.

Алина попыталась втянуть слёзы в себя. Но те втягиваться не хотели, и по щекам потекли ручейки.

– Ну, и чего рыдаем?

– Я... хочу... сама выбирать... – причём что именно она имеет в виду – Алина, кажется, и сама не знала.

– А ты и выбрала...

«Он бы ещё сказал, что попасть под колёса я тоже сама выбрала», – промелькнуло в голове у Алины.

– Разумеется, и это ты сама выбрала. И не иначе, – не моргнув, Джокер ответил на её мысль.

– Как это? – Алина даже плакать перестала.

– Ты же оказалась здесь. И вообще... хочешь, я тебя верну?

– В город?

– В город, в город. В твой родной город. В то самое время, как ты попала сюда. И ты забудешь всё, как сон. До смерти не вспомнишь.

«Особенно если учитывать, что смерть придёт скоро», – внезапно вспомнила Алина обстоятельства попадания в это странное место.

– В любом случае, мне от неё никуда не деться... – начала было она опять хлюпать носом.

– Хочешь тайну? – Джокер вдруг исчез, и тут же, не успела Алина удивиться, каким-то невероятным образом оказался у девушки за спиной. Он наклонился и прошептал: – Я могу договориться с этими двумя дамами.

Алина резко обернулась, неосознанно раскинув руки, словно хотела схватить юношу, но ей удалось схватить только туман. Сам Джокер стоял на прежнем месте.

– С какими дамами? – спросила Алина, с трудом скрывая своё разочарование.

– Со смертью и с судьбой. И тебя могу научить. Но это, – Джокер развёл руками, – сама понимаешь, не могу же я учить всех подряд. И совершенно бесплатно. Я вообще против всего бесплатного. Это мой принцип.

– А это дамы?

– Да... – задумчиво сказал Джокер. – В большинстве случаев.

Алина задумалась.

– По рукам? – спросил Джокер.

– По рукам, – сказала Алина.

Внезапно пространство вокруг стало меняться. Оно покрылось дымкой и задрожало. Алина услышала голос Джокера, доносящийся словно из глубины.

– Найди имя. Если не найдёшь до следующей встречи... ну, тогда я его тебе дам. Лучшие – ты... и молчи о разговоре! Дорога – не для всех...

Алина заморгала и замотала головой. Она с удивлением обвела взглядом комнату. Дорога, Джокер, ворон... куда это всё делось? Она снова помотала головой. Девушка вспомнила, что это – то самое помещение, в котором она совсем недавно играла в карты. Или давно? В том месте, в котором она находилась рядом с Джокером, казалось, совсем не было времени. По крайней мере, она его не ощущала. А сколько времени прошло здесь? Алина даже представить не могла. Она опустила взгляд вниз. В руке девушка всё ещё держала карту Джокера. Но теперь на ней не было ни ночи, ни луны, ни дороги, ни юноши. Карта была пустой. Почти белый прямоугольник картона, если не считать рамку из шипастого стебля, обрамляющую карту по краям. В каждом из углов рамки было нарисовано по красивейшей розе – белого, красного, синего и чёрного цветов.

Пока Алина приходила в себя и вертела в руках карту, дверь отворилась и в помещение вошёл Тниен. Парень не стал мешать мыслям девушки, а просто встал за её спиной, ожидая, когда она сама обратит на него внимание. Но не дождался. Заметив, что карта Алины белая, не выдержал и буквально прокричал на ухо:

– Ты тоже должна выбрать имя!

От неожиданности Алина подскочила. Увидев Тниена, обрушилась на него с упрёками:

– Ты что, с ума сошёл? Я же чуть инфаркт не получила!

– Извини, – сказал Тниен. И, хотя по его лицу не было заметно, чтобы он хоть немного сожалеет о своём поступке, Алина кивком сообщила, что извинения приняты. На самом деле, не заинтересуй её слова Тниена, парню бы так быстро не отделаться.

– Что ты имеешь в виду – выбрать имя?

– Ну как же, – начал парень, – говорят, что высшие карты всегда требуют другого имени.

– То есть, другие тоже встречаются со своими... – Алина остановила поток речи, вспомнив о том, что ей напоследок сказал Джокер. Слишком поздно!

– Встречаются? – парень искренне удивился. – Нет. По крайней мере, адекватные карты... к которым я не отношу Джокера. С другими носителями Джокера не встречался, извини. А ты встречалась с...?

– Неважно.

– Но...

– Я сказала – неважно! – повторила Алина с необычной для себя твёрдостью. И где только взяла. При этом она бросила строгий взгляд на Тниена, не ожидая, что поможет. Потому что раньше хоть какие взгляды Алина бросала на окружающих, они не работали. Видимо не настолько уж они были твёрдыми... в смысле взгляды. Но сейчас произошло нечто, что потом Алина, разбирая эту ситуацию, нашла более чем странным. Тниен словно сдулся немного. Так он застыл на пару секунд. А потом, как ни в чём не бывало, продолжил:

– Все, кого я знаю из тех, кто носит высшие карты, чувствуют, что должны сменить имя. И ты тоже... чувствуешь это... признайся, тоже ведь почувствовала?

Алина с удивлением посмотрела на парня. Он что, забыл то, что было сказано меньше минуты назад? Впрочем, сейчас было не до удивлений.

– Я тоже должна сменить имя... наверное, – сказала Алина. – Но я не понимаю – почему ты Вере не скажешь, что это вовсе не твоя прихоть.

– А потому, что это наша тайна, – подмигнул Тниен, – тайна высших карт. И высших фигур.

– Кого-кого?

– Тех, кто играл в шахматы. И выбрал себе любую фигуру, кроме пешки.

Алина лишь пожала плечами. Тайна так тайна.

– А что случится, когда я придумаю себе имя?

– Карта больше не будет пустой. И ты должна не придумать себе имя... а найти его.

– Как?

– Ты... почувствуешь. Не могу объяснить лучше. Извини.

– Ладно, – усмехнулась Алина, подумав: «Зачем мне всё это? Зачем это приговорённой к смерти?» Что-то никак не верилось ей в заверения Джокера. Но Тниен, видать, так горел желанием ей помочь, что она не могла не согласиться.

– Ладно, – повторила она, – разберёмся. А сейчас бы мне хотелось немного осмотреться тут и узнать, кем я была до...

– Пробуждения, – подсказал Тниен.

– Да, именно. Пробуждения.

– Это ты вряд ли сможешь, – Вера открыла дверь и вошла в комнату, – я не знаю никого из пробудившихся, кто бы помнил, кем был в этом мире раньше. А осмотреться тебе и в самом

деле не мешает. Отныне тебе суждено попадать в этот мир. И на долгое время. Волей неволей, а придется искать своё место в нём.

– Но ведь были и те, кто меня помнил... фотографии.

– Были, наверное. Только теперь нет. Я же тебе повторяю: не знаю никого, кто бы смог найти, кем был раньше.

– И как же мне быть, – Алина снова почувствовала себя ужасно одиноко и неуверенно.

– Для начала осмотришься.

– Я... если вас это не затруднит, – пролепетала Алина. Проклятая неуверенность в обнимку со своей лучшей подругой стеснительностью являлись кошмаром Алининых детских лет. И хотя казалось с ними было покончено в институте, иногда эти приятельницы возвращались, чтобы подпортить Алине жизнь. Ненадолго, но всегда в самый неудачный момент.

– Есть негласное правило. Те, кто обнаружил проснувшегося, должны немного помочь ему освоиться. И это правило всегда соблюдается. Это уже вопрос чести, так сказать.

Алина кивнула. На самом деле, сейчас ей было совершенно безразлично. Депрессия, порожденная мыслями о неизбежном столкновении с троллейбусом при возвращении в свой мир, прошла на время разговора с Джокером. Но теперь опять вернулась.

«Да что опять заладила!» – голос отдавался в голове глухо и недовольно. – *Ну сама посуди, на фиг мне было тебя выбирать, если ты через пару месяцев на тот свет отправишься!»*

«И в самом деле – на фиг?» – неожиданно для себя подумала Алина. Именно в этот момент ей очень захотелось поверить, что на самом деле так и есть. Нет, Вера права – ей действительно нужно осмотреться. Для начала.

Вера жила почти в центре города. В реальном мире, – Алина именно так решила для себя называть мир, из которого она сюда перенеслась, – на этом месте стояла... школа. Простая школа. В которую ходила Алина, когда была маленькой. В этом мире школа сохранила своё положение и форму, но прибавила пару этажей, а также окрасилась в тёмно-синий с фиолетовым цвет. Выглядело красиво, хотя и несколько зловеще. Особенно если учитывать, что Вера редко включала свет по всей школе – зачем ей это? Правда иногда, – призналась новая знакомая Алины, она устраивает иллюминацию, и тогда не только внутри, но и снаружи школа светится.

– Получается очень красиво, – уверяла Вера.

– Верю, – сказала Алина, осматривая мрачноватое, но чем-то притягивающее тихое здание, – так ты живёшь тут совсем одна?

– Почему бы нет?

– А как же... тебе не страшно?

– Никогда не боялась оставаться в одиночестве, – пожала плечами Вера.

– А если... тут же, насколько я поняла, беда с законами.

– Ну, не всё так страшно. К тому же, – Вера подняла руку вверх и над её ладонью возник небольшой полупрозрачный шарик, похожий на мыльный пузырь. Вера размахнулась и со всего размаху отправила шарик в путешествие на ближайшее дерево. Шарик пролетел и с громким чмокающим звуком врезался в ствол. На секунду всё дерево засветилось странным радужным сиянием, а потом пропало. Осталась только дыра в земле.

– И... где сейчас оно?

– На другом конце города.

– Здорово!

– Именно поэтому я выбрала десятку пик. Единственная карта, которая даёт возможность телепортации. Кроме Джокера, конечно. Говорят, по крайней мере, что он на это тоже способен.

– Удивительно! – сердце Алины радостно забилося. Неужели и вправду Джокер не врал ей? И значит, есть шанс.

– В общем, ты можешь жить здесь, – заявила Вера.

– Пока?

– Нет, насовсем. Давно мечтала о соседке.

– Но ты меня совсем не знаешь, – начала было Алина вслух. «Не говоря о том, что я совсем не знаю тебя», – продолжила она мысленно.

– Вот и узнаю. Вещей у тебя ведь пока нет? Так что в случае чего переехать будет несложно. Но тут неплохо. Центр города... да и я ведь не всегда одна. Подчас проснувшиеся собираются здесь. И тогда мы закатываем праздник.

– Давай попробуем, – сказала Алина задумчиво.

Следующие недели Вера возила её по городу. Алина совершенно изменила своё первое мнение. Город больше не казался ей неким постапокалиптическим чудовищем. Хотя красное небо до сих пор внушало тревогу. Но в остальном – город как город. Ничего особенного. Алину так никто и не посвятил в законы.

– А что тут посвящать? Всё так же. Не воруй, не убивай, если только это не твоя работа.

– Работа?

– Работа... ты можешь стать здесь официальной воровкой. И тогда Стражи Ордена тебя не тронут. А свои шмотки от тебя должны защищать сами хозяева.

– Странно всё как-то.

– Мне тоже сначала так казалось... но потом привыкла. Может, Тниен и прав... и всё тут создано кем-то лишь для развлечения.

Вера на минуту задумалась, а потом, подмигнув Алине, сказала шепотом, словно их кто-то мог услышать:

– Только ему не говори, что я... склоняюсь к тому, чтобы признать его точку зрения. А то зазнается.

– Что ты, – искренне уверила её Алина, – мужчинам такое вообще говорить нельзя.

– Вот и я об этом же, – рассмеялась Вера.

С Тниеном Алина тоже встречалась, и с удивлением обнаружила, что парень вовсе не такой хам, каким показался ей сначала. С ним было даже интересно. Тниен показывал ей город, своими шутками заставлял отвлечься от грустных мыслей. И скоро завоевал симпатии девушки.

Она была бы рада назвать Тниена своим другом. А ещё... Алине было сложно в этом признаться, но она очень хотела увидеть Джокера. Или хотя бы услышать. Но тот не подавал никаких признаков существования. Карта оставалась белой, а Алина так и не нашла своё имя. Хотя перебрала кучу вариантов во всех знакомых ей существующих и несуществующих языках.

А однажды она шла по улице, на этот раз одна. И внезапно реальность покрылась зыбью, и в следующий момент Алина обнаружила себя сидящей на дороге перед наезжающим троллейбусом.

«Неужели – всё», – подумала девушка и зажмурилась. Где-то невдалеке послышался женский крик. Внезапно какая-то сила выдернула Алину с дороги и опустила на тротуар. Девушка сразу же вскочила на ноги. Удивлёнными глазами она наблюдала, как троллейбус проносится мимо.

– Ты смотри куда прёшь. Дура! – услышала она.

Обернувшись, девушка увидела вытаращившегося мужчину лет тридцати.

– Сам дурак, – прошипела Алина и, поправив одежду, гордо пошла по улице.

– Психическая! Язык-то попридержи! – понеслось ей вслед.

– Чтоб ты усрался! – прошептала Алина. Так всегда говорила её бабушка в подобных случаях.

И тут произошло нечто странное. Мужчина резко вскрикнул и сложился пополам. А в воздухе распространился весьма неприятный запах.

«Что с ним?» – удивилась Алина.

«Сама же просила!» – раздался в голове знакомый голос. – *Неоригинально, но... забавно. Кстати, тебе понравилось, как я решил проблему? Даже без синяков».*

Алине ничего не оставалось, как вздохнуть и продолжить движение. Кажется, ей нужно было на работу. И впервые, наверное, она имеет все шансы на неё не опоздать. Это странно звучит. Но последнее время всё, что касалось её жизни, было странно.

Глава 3

Как ни странно это звучит, на работу Алина не опоздала. Но вот потом начались проблемы. Месяц – достаточно большой срок. Конечно, человек выпадает иногда на месяц отпуска из работы. Но в таком случае, окружающие готовы к подобному и не ждут от него слишком многого. А в случае Алины окружающие, в том числе и начальник, ждали, что девушка прекрасно помнит то, чем она занималась вчера. В смысле, не вчера в непонятном бредовом городе постапокалиптического вида, а на работе. Уже через некоторое время Алина стала понимать, почему некоторые предпочитают вновь погрузиться в сон, чтобы не жить на два, а то и на три мира. Даже сложно представить, как должна пухнуть голова. Вконец заматавшаяся Алина до поры не заметила некоторых странностей. Например того, что взгляды окружающих немного изменились. Первым сигналом был разговор с программистом. Что-то случилось с компьютером и Алина, тяжело вздыхая, направилась к их великому компьютерщику. Тяжело вздыхая потому, что получить от него помощь можно было, только прослушав кучу нелицеприятных для себя отзывов по поводу «куриц», «тупых овец» – и это только если Вадик был в хорошем настроении. Что бывало редко.

Сегодня Вадик не был в хорошем настроении. Это Алина поняла сразу по тому, что в чашке перед его компьютером стоял кофе. Но, поскольку компьютер Алине нужен был «ну прямо сейчас», а хорошего настроения фирменного гения можно было ждать днями, девушка решила так попросить Вадика сделать то, за что ему, по идее, платят деньги. Алина вообще была достаточно стеснительна, и перспектива обращения с просьбой к хамоватому парню её вовсе не радовала. А что делать? Девушка подошла к уткнувшемуся в монитор и ничего не замечающему вокруг себя Вадика, раздумывая: как бы начать разговор, когда компьютерщик вдруг потянулся за кофе, не глядя, как-то неудачно толкнул чашку и та, мило звякнув, покати-лась по столу, расплёскивая содержимое. Алина скорбно вздохнула. Теперь разговор ей предстоял ещё более трудный. На минуту Алине вообще захотелось сбежать, и гори оно всё огнём, но сам Вадик её остановил.

– Ну и что опять, – проворчал он хмуро и совершенно недружелюбно. Правда, зная его характер, было удивительно уже то, что он соизволил заметить Алину и поинтересоваться её проблемой. Девушка, внезапно вдохновившись таким отношением, как можно быстрее и доходчивее объяснила ситуацию. Вадик открыл было рот, наверняка чтобы сказать что-то «о курицах, которых нельзя подпускать к технике», да так и устался на Алину, ничего не сказав. Алине даже стало как-то не по себе. Вадик смотрел на неё, будто бы увидел в первый раз в жизни именно в этот момент. После продолжительного наблюдения, он махнул рукой и сказал:

– Давай посмотрю, что у тебя там.

Алина кивнула и, пока он не передумал, заспешила в свою комнату, к столу.

– Вот, – показала она на, как казалось ей, безнадежно умерший компьютер. Что-то ворча под нос, Вадик начал тыкать кнопками клавиатуры. «Только бы не шнур», – молилась Алина. Дело в том, что в прошлый раз она случайно задела шнур, и тот выпал из розетки. И что устроил их местный хакер, когда его оторвали от важной, по его собственному уверению, работы, только лишь затем, чтобы... в общем, кто мог, даже конспектировал тогда речь Вадика.

На этот раз дело оказалось не в шнуре. Правда, компьютер всё же починили. И железная зараза вновь весело улыбалась Алине картинкой на мониторе, словно ничего и не случилось.

– Спасибо, Вадик, – сказала Алина, попытавшись вложить в свою фразу насколько возможно больше благодарности. Вадик лишь хмыкнул и медленно пошёл обратно в свою пещеру. Но на пороге кабинета он резко остановился, обернулся.

– Знаешь, а я никогда не думал, что у людей могут быть такие глаза.

И всё. Он вновь повернулся к офисникам спиной и размашистыми шагами пошёл дальше. А Алина осталась стоять с открытым ртом.

– Какие глаза? – смогла пролепетать она через некоторое время. В общем, вопрос не предназначался никому и был чисто риторическим, но Люба, которая как раз забежала к Алине в этот эпический момент, сочла нужным ответить.

– Ну... просто... это, наверное, большая редкость – почти фиолетовые глаза.

– Какие?

Алина резким движением открыла сумку и достала зеркальце. Она ещё надеялась, что все сошли с ума. Оказалось – только она. Вместо её столь привычных карих глаз на Алину из зеркала смотрели глаза и в самом деле какого-то странного, фиолетового цвета. Не синие, не голубые, а – фиолетовые. Руки Алины безвольно опустилась.

– Что-то не так? – заволновалась Люба.

– Всё в порядке. Просто устала немного. Наверное.

Люба пожалала плечами и вышла. А Алина села и вперила взгляд в пространство перед собой, ничего не видя. И в этот самый момент у неё в голове зазвучал знакомый голос «Привет. Давно не... как это... слышались? Виделись? Я просто хотел предупредить... ты думаешь об имени? При нашей следующей встрече либо я тебе его дам, либо... в любом случае, оно должно быть».

– Ты... ведь...

«Да, – мысленная речь побежала с большой скоростью. – Как тебе цвет глаз? Здорово, да? Я мог бы дать синий, или даже голубой... но решил что это банально. Как и чёрный. С другой стороны... красный или белый... думаю, это тебя напугало бы. А так...»

– Как ты... как ты мог? – Алина к счастью вовремя себя остановила и не сорвалась на крик. – Ты... ты не можешь. Права не имеешь. Я хочу...

«Мне совершенным счётом плевать на то, что ты хочешь... ты ещё недостойна что-то хотеть или нет».

– Но ты не можешь...

«Попробуй меня остановить... если хочешь».

Алина лишь зубами закричала. И даже не знала от чего больше – от злости или от страха.

«В общем, так... остановить ты меня не сможешь. Сил нет. А сможешь ты либо принять то, что я даю... и пользоваться на радость себе... и мне. Либо... тоже принять, но с кучей нервов, потраченных зря. Обычно я стараюсь не ломать свои игрушки... профессиональная гордость и всё такое... но и моё терпение имеет лимит. И вообще... я бы мог тебе об этом не говорить. А просто... ну, не важно».

– Что же сказал? – осклабилась Алина.

«Это мой эксперимент. Интересно мне и всё тут. Так что не занимайся ерундой. И всё-таки найди себе имя. Кстати, если ты сочтёшь нужным оглянуться вокруг и чуть повнимательнее присмотреться к окружающим, то найдёшь, что я дал тебе не только новый цвет глаз. Поверь, тебе понравится».

Алина буквально зарычала от злости. Но, кажется, Джокера это только веселило. Или он вообще не обратил на это внимание. В любом случае, следующая его фраза была произнесена, – или всё же промыслена, – так же спокойно, как и предыдущие: *«Кстати, пока поменьше в зеркала себя разглядывай. Особенно в те, что постарше и побольше. Хотя даже и маленькие... в общем, минимум своих просмотров, ладно? Особо ничего страшного случиться не должно, сама научишься скоро с ними общаться... но пока воспринимай как плату за вход. Особенно*

не сильно разглядывай себя глаза в глаза. И... если увидишь что-то за плечом... кого... кого бы не увидела – НЕ оборачивайся. Вот это – правило. И его нужно соблюдать неукоснительно. Не оборачиваться. Ни в коем случае не оборачиваться, когда у зеркала стоишь. Или сидишь... лучше отойди от него на шаг, посмотри чуть в сторону. Но не назад!!! Извини, сразу как-то забыл предупредить. Ну... пока».

Алина вздрогнула, а по спине неожиданно пошли мурашки Алина чувствовала, знала, что Джокер и не думает шутить. «Да, и самое последнее, – вновь раздался голос в голове. – Я тебя, наверное, уже утомил, знаю, но... действительно последнее. Мы можем встречаться в твоих снах. Сон – тоже моя территория. Так что... если захочешь поговорить со мной чуть раньше, чем я того пожелаю сам – просто перед сном позови... скажи, что хочешь встретиться».

Алина закусила губу, но ничего не ответила. Просидев ещё немного, ожидая, что Джокер может вновь вернуться в её разум, Алина решила, что нужно действовать. Но как – она и не представляла. Даже с чего начать. Но, подумав немного, решила начать с более детального изучения своего врага. Вечером в офисе было спокойно, и Алина смогла забраться в Интернет. В поиск она ввела Джокер. Поморщилась, когда обнаружила, что большинство ответов касаются Бэтмена. Но один из сайтов её заинтересовал. Он назывался Джокер, Трикстер. Шут. Алина ввела в поисковый запрос – Трикстер. И получила просто ошеломляющее количество ответов. Правда, большинство из них дублировали друг друга. Трикстер – определённого вида божество или герой. Что только про него не было написано. Он и бог хаоса, предназначенный для разрушения порядка. Он и шут богов, но при этом умный шут и шутник, часто играющий с окружающими и с самой судьбой. Он разрушитель, но и вдохновитель. Хитрец, мошенник и вор. Бог дорог, принадлежащий дорогам. Бог, отвечающий за смену времен, да, в общем, и сам придумавший, что времена в мире, как и всё остальное, должны меняться. Он – Локи Скандинавии, Гермес Греции, Велес славян, Ходжа Насреддин востока. Информация иногда была не очень понятна, а функции и свойства Трикстера, подчас, казалось, противоречили друг другу. Но, в любом случае, Алине чтение статей об этом персонаже радости не прибавило. По всему выходило, что попала она на крючок к существу древнему, могучему, злокозненному и любящему играть окружающими. К существу, которое приемлет разрушение и грубые шутки. Да, просто «вдохновил» её Интернет, надо сказать. И что теперь делать? Как она может противопоставить свою волю воле того, кому благодетельствует сам хаос. Нет, положительное тоже было. Трикстер был хитёр, он был силён, он давал развитие творческому потенциалу – он ведь и разрушал лишь для того, чтобы создать что-то новое на обломках. Да нет. Не на обломках. Скорее всего, на абсолютно пустом месте, которое бы осталось после урагана по имени Трикстер.

Закончив главу о Рагнарёке, Алина вздохнула. Кто такой Джокер? Насколько его образ соответствует образу более мрачных его воплощений? И что можно противопоставить? Не давать же этому непредсказуемому существу возможность разыгрывать свою жизнь. В конце концов, это он – карта, а не она!

«Все мы карты. Главное, чтобы не были битыми».

«Ты следил за мной?»

«Как-то нечего больше было делать. Знаешь, я передумал. Мы встретимся раньше. Сегодня. В твоём сне. Правда, заметь, я не заставляю тебя прямо сейчас бежать себе имя искать. Цени».

– Спасибо, – вслух пробормотала Алина, постаравшись вложить в это слово как можно больше презрения и гнева.

Алина шла домой с совершенно невесёлыми мыслями. Девушка была погружена в себя. Да так сильно, что не заметила выскочившей на зелёный пешеходный свет иномарки. «Неужели опять», – подумала Алина, с тоской наблюдая, как, словно в замедленной сцене, машина

несётся прямо на неё. Попутно пронеслась в голове и иная мысль. «А кстати забавно, когда всё видишь, ощущаешь и понимаешь, что сейчас капец придёт полный... а сделать всё равно ничего не можешь. Господи, и о чём я только думаю?» Между тем иномарку как-то странно потянуло в сторону и, буквально в метре от ошалевшей девушки, увело в эту самую сторону под настоящую какофонию из визга и шипа. Ещё более странно, что машина остановилась почти сразу, не успев ни во что врезаться. Алина было подумала, что водитель просто ас, как из машины вылезла недоуменная физиономия. Со всем остальным, к ней прилагающимся.

– Ты что... – хозяин физиономии пытался подобрать подходящее в данном случае слово вроде козы или курицы... или овцы... или, может, похлеще. Но, видать от пережитого шока, слово никак не находилось. Вместо этого физиономия ловила ртом воздух, словно вытасченная из воды рыба. Потом, когда дыхание восстановилось, мужчина спросил:

– Ты... в порядке?

Вот что Алина не любила, так это тыканья от незнакомцев. Даже если её и принимали за школьницу, что изредка бывало. При этом девушка очень быстро переходила на ты с коллегами и приятелями. Но тыканье с первого раза раздражало её невероятно. Девушка скривилась, но, поскольку и до этого у неё было не очень «прямое» лицо в предвкушении как минимум парочки переломов, – а, может, и по какой другой причине, – мужчина не обратил внимания на выражение её лица.

– Могу отвезти тебя... домой, – продолжил он.

Предложение было сделано таким тоном и с таким взглядом, что Алине стало не по себе. Уж очень редко мужчины смотрели на неё так. Разве что её бывший парень. Да и то не всегда. «Какой-то он ненормальный», – подумала девушка. И, памятуя о том, что с сумасшедшими нужно вести себя как можно спокойнее, сказала:

– Нет, пожалуй. Мне совсем недалеко идти. И лучше прогуляться.

– Понимаю, – мужчина не отрывал от Алины взгляда, – но, может, дашь мне свой телефон... раз всё так получилось.

«Интересно, это что значит – „раз так всё получилось“?» – подумала Алина. Сомнений быть не могло. Разъярённый кабан каким-то непостижимым образом превратился в павлина в период брачного сезона. Непостижимым, это потому, что Алина хотя и считала себя достаточно симпатичной девушкой, но всё же никогда не обольщалась по поводу своей внешности и своего воздействия на мужчин. Хотя, всё может быть, конечно. Алина чуть задумалась и согласилась продиктовать номер сотового, который тут же выдумала. Мужчина покивал, и начал было говорить.

– Всё же лучше, если...

Но тут в машине резко зазвонил телефон. Выругавшись, владелец иномарки полез за ним, а Алина воспользовалась этой ситуацией, чтобы скрыться в ближайшей подворотне.

Дома Алина первым делом включила компьютер и продолжила свои вечерние поиски. Ничего нового. Ничего вдохновляющего. И вообще как-то незаметно пришла пора ложиться спать. Алина вспомнила об обещании Джокера и... нет, она, конечно, испытала и новый приступ злости и хандры. Но эти чувства загадочным образом сплетались с желанием увидеть юношу-Джокера снова. И ещё с некими полупонятными, но от этого не менее уместными мечтами и желаниями. Это сплетение чувств и мыслей пугало не столько своей нереальностью, сколько тем, что Алина не помнила, чтобы когда-либо испытывала столь разные чувства одновременно. И вместе с тем – помнила это. Может в детстве... во сне... странно всё в последнее время. Ох, как странно. Девушка не могла ни о чём думать, она попыталась посмотреть телевизор или поиграть в компьютерную игру, но ничего не удалось. Движения были ватными, и мысли никак не могли уловить, что же происходит на экране или в мониторе. Алина обернулась, отвлёкшись от очередной попытки вникнуть в суть игры. Словно она просила помощи и поддержки у так давно знакомых предметов квартиры. Но предметы молчали. Только зеркало

на комодe внезапно привлекло внимание девушки. Зеркало как зеркало. Джокер сказал, что не стоит лишний раз смотреться в зеркала. Алина вновь насупилась. Да кто он такой, чтобы говорить, что ей делать, а что нет! Игральная карта! Какое на фиг божество позволит, чтобы из него сделали игральную карту? И вообще – она теперь не может смотреться в зеркала... а краситься как? То-то же. Распалив себя таким образом, Алина с полной решимостью встала и направилась к прямоугольнику сверкающей поверхности, а эти несколько шагов длились неожиданно долго. Алина испытала страх, липкий и мерзковатый страх, который сама тут же назвала трусостью. Сжав губы, девушка рывком преодолела последние два шага и остановилась перед зеркалом. Зеркало было большим, и Алина отразилась в нём почти во весь рост. Не сказать, чтобы Алине совсем не было страшно. Но после пары минут рассматривания себя она успокоилась. Девушка уже собиралась отойти от зеркала, как вдруг краем глаза заметила что-то сзади. Какую-то тень в комнате за её спиной, которой здесь не должно было быть. Которой не было здесь ещё секунду назад! Тень подошла совсем близко, и Алина кожей ощутила присутствие чего-то... живого. А в зеркале за её спиной ухмылялась и строила рожи наглая лоснящаяся физиономия. Алина вскрикнула и хотела обернуться, но усилием воли удержала себя. НЕ ОБОРАЧИВАЙСЯ. Теперь эта фраза уже не казалась Алине такой уж никчёмной. Она зажмурила глаза, но тут же сзади раздался звон, словно что-то хрупкое упало на пол. Алина непроизвольно обернулась и открыла глаза. И тут же в её плечи вцепились две худощавые руки с длинными костлявыми пальцами. Девушку сильно рванули назад, и она упала. Но вовсе не ударилась о зеркало, как должна была, а просто провалилась куда-то в туман. Холодный липкий туман моментально окружил её со всех сторон. А рожи, вырисовывавшиеся из тумана, могли бы напугать и ярого фаната фильмов ужасов, которого уже ничто напугать не может. Руки тянулись к ней, хватали за волосы и одежду, и казалось – этому кошмару не будет конца. Алина закричала и внезапно почувствовала, что её обволакивает что-то тёплое и мягкое. Словно кто-то заботливо замотал её в одеяло. А через некоторое время девушка уже сидела на полу в своей комнате. Ничего не понимая, Алина озиралась. Комната совсем не изменилась. По крайней мере, пока она не посмотрела на зеркало. То самое большое, в которое её чуть ли не засосало. Зеркала не было. То есть это было уже не зеркало. Уходящая вдаль пелена тумана вкручивалась в спираль и еле слышно гудела. Алина отвела взгляд. Смотреть туда вовсе не хотелось. Не потому, что ей было неинтересно. В любое другое время такой портал, которому место только в фантастических фильмах, очень заинтересовал бы её. Но сейчас девушка была напугана. И напугана гораздо сильнее, чем если бы просто обнаружила у себя в квартире в один прекрасный момент уходящую в серый туман спираль вместо зеркала. Первым побуждением Алины было кинуть чем-нибудь и разбить зеркало. Но она не решилась. Потому что совершенно не могла представить, чем может кончиться подобное действие. Потом возникла мысль завесить нелюбимую картинку чем-либо. Кажется... ну да, недавно купленная штора, которую Алина всё ещё никак не удосужилась повесить! Кажется, она подходила идеально. Только нужно открыть дверцу комода и перекинуть. Алина таки смогла взять себя в руки и не только встать, но и найти злосчастную штору, и подойти к серому вихрящемуся недоразумению бывшего мирного предмета обстановки. Алина уже открыла дверцу и приготовилась водрузить штору на новое место, как вдруг застыла в буквальном смысле этого слова. Сама не желая того, она вперила глазами в серую муть. Сознанием она понимала, что нельзя, нужно отвести взгляд. Но не могла даже чуть скосить глаза. Отвести их от закручивавшейся мохнатой туманной спирали. Такой пугающей и странной. Такой опасной, – Алина знала, что опасной. Такой загадочной. Такой манящей. Весь её разум сопротивлялся влиянию портала. Алина теперь точно знала, что это портал, и знала, что ведёт он отнюдь не в самое радостное место. Не думая, Алина протянула руку и коснулась туманной поверхности. Та чуть выгнулась навстречу девушке и загудела, как встревоженный улей. А Алина с ужасом наблюдала, как из мути тумана, из самой середины закручивающейся, гудящей, как сотни пчёл, спирали, появляется рука. Рука была обычной,

нестрашной. Холёная женская рука с нежной тонкой белой кожей и идеальным маникюром. Острые покрытые красным лаком ногти впились в кожу Алины, когда рука незнакомки обхватила её руку и потащила вглубь бывшего зеркала. Впились до крови. Алине было больно, да, но вместе с болью... очень приятно. Невероятное, никогда не испытанное ею раньше соединение боли и удовольствия. Рука Алины уже погрузилась по локоть в туман, на этот раз показавшийся тёплым, как морская вода вечером после жаркого летнего дня. Но тут мерное гудение резко сменилось оглушительным визгом. Таким, что у Алины чуть не лопнули барабанные перепонки. Она вырвала руку из хватки незнакомки, – а та как раз прекратила держать её, – и закрыла уши руками. Визг продолжался не больше пары секунд, а потом перешёл во всхлипывания и скоро прекратился. Девушка осторожно оторвала руки от головы и прислушалась. Зеркало так же, как и раньше показывало серую муть. Но эта муть больше не притягивала, не парализовала Алину. Взглянув на руку, девушка увидела пять глубоких царапин. Почему-то именно это стало последней каплей. Она повернулась и выбежала из комнаты, каким-то чудом успев прихватить с собой ноут. Зачем – и сама бы не ответила. Лишь закрыв плотно дверь комнаты, Алина почувствовала себя лучше. Комната закрывалась на ключ – придурь бывших хозяев, над которой Алина всегда смеялась, но которую так и не решила исправить. Просто никак руки не доходили. Сейчас Алина и не думала смеяться. Она тщательно закрыла дверь.

Ночевать на кухне – не самое удобное занятие. Но Алине просто обязательно нужно было уснуть – Джокер сказал, что встретится с нею сегодня в её сне. Он же предупредил её о зеркалах. А значит, он тот, кто может дать ей ответы – что делать с зеркалом. И с комнатой, в которой оно находится. И вообще – что делать. «Ага, – хмуро подумала Алина. – А ещё он ответит тебе „кто виноват?“». Подивившись, что в такой ситуации ей всё же приходит на ум шутить и даже вспоминается не самое популярное сейчас произведение русской классической литературы, Алина сделала себе кофе. Пить кофе на самом деле не самый лучший способ уснуть, но другого способа успокоиться Алина не знала. Бодрящий напиток и на этот раз не сплеховал и привёл её в чувство. Насколько вообще это было возможно в данной ситуации. Всё же не каждый день в обычном зеркале открывается портал в бездну – другого слова для того, что находится за зеркалом, Алина подобрать не могла. Немного успокоившись, девушка села и сосредоточилась. Она решила, не дожидаясь сна, который так, возможно, и не придёт, сама вызвать Джокера на разговор. Ведь, в конце концов, это он виноват в том, что с ней случилось. А значит, и отвечать должен он. До его появления в жизни Алины никто не пытался утащить её в... неважно – куда. И зеркала в порталы не превращались. И глаза не подсвечивали ультрафиолетом. Она точно не знала, что следует делать, но всё же сосредоточенно хмурила лоб, пытаясь сначала позвать Джокера, потом вызвать у себя его образ. С зовом ничего не получилось. С образом тоже. Вдобавок у Алины нешуточно разболелась голова. Всё ещё хмурая, она встала, выпила две таблетки цитрамона, запив остывшим кофе. Потом немного помедитировала над плитой... и приготовила себе вторую порцию кофе – ещё крепче предыдущей. Возвратившись с дымящейся чашкой за кухонный стол, Алина с ногами залезла на диванчик и, отхлебнув живительного напитка, задумалась. Повторять эксперимент с вызовом она не хотела. Спать – тоже. А на часах было уже три ночи. Алина даже не нашла в себе желания удивиться столь быстрому бегу времени. Поставив чашку, Алина продолжала раздумывать. Она закрыла глаза, пытаясь убрать остатки головной боли. Мысли текли немного замедленно. Не особенно желая того, Алина вспомнила дорогу, на которой она стояла вместе с Джокером. Воспоминания пришли сами по себе, но Алина не сочла нужным их прерывать. Воспоминания принесли вновь запах травы и холод ветра. Алина вспомнила, как ощущалась на теле шелковая ткань. Вспомнила, как прокричала в ночи какая-то птица. «Забавно, – подумала Алина, – а я не слышала её раньше... она была?» *В любом случае, птица была сейчас. Когда она вновь стояла на дороге и смотрела в лицо Джокеру. Она даже не помнила, когда открыла глаза. Всё вокруг очень походило на обстоятельства их первой встречи. Только сейчас на Алине было платье из тёмно-*

синего бархата, с широкими рукавами и расшитым серебряной нитью поясом. Судя по ощущениям, волосы тоже были уложены в какую-то необычную причёску. «Наверное, со стороны я выгляжу как посетительница карнавала средневековья. Или участница ролёвки», – неожиданно подумала Алина и улыбнулась своей мысли. Почему-то здесь, на этой дороге, рядом с этим парнем, она моментально успокоилась. Прошли все страхи и огорчения. Она даже не была зла на Джокера. Просто... хотелось остаться тут ненадолго и насладиться тишиной и покоем. А ещё – им.

– Ты смогла прийти сама, – в голосе Джокера слышалась смесь из удивления и удовлетворения. В любом случае, это был никоим образом не вопрос. Просто утверждение факта. Алина кивнула. Хотя и не совсем понимала, что он имеет в виду.

– Молодец, – похвалил юноша. И тут же с соседнего дерева раздалось нахальное карканье. Джокер улыбнулся, поднял голову и сказал, обращаясь к своему черному собеседнику.

– Это неплохо. И не спорь.

Ворон снова каркнул. На этот раз, как показалось Алине, более издевательски.

– Так бывает, – пожал плечами Джокер, – главное, всё обошлось. И это важно.

Снова карканье.

– А вот это уже неважно, – уверенно сказал Джокер.

– Что важно и что неважно? – спросила Алина.

– Неважно то, что ты попала впросак. Важно то, что ты смогла выпутаться. Неважно то, что выпутал тебя я. Я играю с судьбой, и ты теперь тоже. А в этой игре удачливость гораздо важнее чем... чем всё остальное.

– Но ты же меня в это и втравил! – Алина почувствовала взрыв возмущения, который грозил вмиг разнести её состояние успокоенности.

– Это тоже неважно, – спокойно сказал Джокер.

– То есть помогать ты мне не собираешься.

– Я уже помог. И гораздо больше, чем я помогаю обычно.

Алина фыркнула.

– Да? Может, тогда объяснишь, что мне делать дальше?

– Жить.

– Просто так?

– Просто уже не получится. Твоя жизнь изменилась, хочешь ты или нет. И тебе придётся смириться с этим. Что-то учить, например... что-то, что раньше тебе никогда не пришлось бы в голову учить. Та ситуация с зеркалом – просто ерунда. Не стоит и слов. И я был рядом. Но так будет не всегда.

– А если я не хочу? Мне что, нужно умереть? – выпалила Алина. Она внезапно почувствовала острый приступ жалости к себе. Это надо же. Жила, никого не трогала... а теперь неизвестно где и непонятно – что с ней дальше будет.

– Возможно, – снова пожал плечами Джокер. Он сказал это таким спокойным тоном, будто ничего серьезного в подобном исходе не видит. И потом таким же спокойным тоном прибавил: – Хотя, в этом мире есть вещи похуже смерти.

– Ага. И мне осталось только повеситься, – ехидно сказала Алина. Сейчас приступ жалости проиёл. Но начался приступ упрямства. Ах, ты так? Тогда я лучше умру, но настояю на своём. Типичный детский сад, но Алина ничего не могла с этим поделать. И вместо того, чтобы успокаивать себя, накручивала себя всё большие и большие.

– Если ты хочешь. Точнее, если не хочешь жить по-новому. Да, тогда самоубийство, наверное, лучший выход. Правда, надо признаться, меня это немного разочарует, – Джокер был совершенно невозмутим.

– Ах, вот как? Может, ты этого и хочешь? – Алина даже не подумала о том, что, если бы Джокер захотел её убить, то сделал бы это с лёгкостью... да просто не пришёл бы ей на помощь. Но девушка не то, что не понимала этого. Она не хотела сейчас давать себе труд подумать об этом. Внезапно, неожиданно для неё самой, её охватило чувство, которое если бы Алина могла и попыталась квалифицировать, можно было бы назвать чувством весёлой, бездумной ярости. Именно так. Алина никогда не испытывала подобного. Чистая ярость. И какая свежая и отличная на вкус!

– Я никуда не уйду, пока ты мне не объяснишь, что случилось с моим зеркалом! И чему я там должна учиться!

– Самоубийство, как я понял, отменяется? – Джокер прищурился. Алина рывкнула. Она и сама не знала, что пыталась сказать. Но ей и неинтересно было узнавать.

– С твоим зеркалом случилось то, что теперь это дверь.

– Куда?

– В Зазеркалье, конечно. Куда же ещё? – Джокер казался искренне удивлённым.

– Ты издеваешься? – прошипела Алина. Сейчас она даже забыла, как в первую встречу хотела этого парня. Сейчас, правда, она тоже хотела... убить его. И вообще хотела. И даже не задумывалась – а как это? Сначала в постель его затащить, а потом убить что ли? Или может вообще – во время? Алина не смогла удержаться от хихиканья.

– Совсе нет. Зачем мне над тобой издеваться? – спросил Джокер строгим тоном. Но смотрел он при этом на Алину как-то... одобрительно? Ну да. Именно одобрительно.

Алина уставилась на Джокера.

– Ладно, – продолжила она шипеть, – и что мне с ним делать?

– Ничего. Я сделал так, что оно для тебя не опасно. Пока. Но на всякий случай, можешь тряпкой завесить. Главное, не пытайся от него избавиться.

– Не получится?

– Почему же? Получится. Только всё, что потом приключаться будет с этим зеркалом, точнее – с его хозяевами – будет на твоей совести. Не советую. Да... и не пытайся его разбить.

– Что тогда будет?

– Понятия не имею. Как-то не встречал ни одного идиота, кто бы пробовал. Странно это, правда? Хотя, может, как раз тебе и посчастливится узнать, что будет, если его разбить. Случайно, конечно. Есть у меня весьма печальные предположения, что ничего тогда не будет. В смысле, ничего необычного, кроме обыкновенных зеркальных осколков. Жаль, если так, но что поделать? И так бывает.

Алина вздохнула.

– А как насчёт моего второго вопроса? Чему я там должна научиться.

– Научиться ты должна не там, а здесь.

– Это всего лишь...

– Фигура речи. Я понял. Ещё один совет. Будь поосторожнее с подобными фигурами. Ты вступила на путь магии. И при этом ещё не имеешь никакой силы над словами. Опасное положение.

– Отлично.

– Ещё скучать по этим дням будешь.

Алина предпочла не отвечать. А Джокер продолжал:

– Учиться будешь по мере необходимости... ну, и готовности. Но сначала нужно найти имя.

– Я ещё не решила – согласна ли я.

– Если ты ещё не поняла, то пойми сейчас. Я не спрашивал согласия. Ты либо принимаешь новое положение вещей, либо... либо в лучшем случае гибнешь. Смертью глупых и храбрых.

Алина хотела было поспорить, но вдруг отчётливо поняла, что Джокер прав. У неё нет выбора.

– Вообще-то, это и есть выбор, – сказал Джокер, подслушав её мысли.

Алина хотела ответить колкостью, но не смогла придумать ни одну. Да и какой смысл. Её внезапно опять охватил приступ жалости к себе. Опёршись о дерево, девушка заплакала. Даже лучше сказать, слёзы сами, помимо её воли, потекли из глаз. Джокер терпеливо ждал, когда их поток иссякнет, а потом сказал:

– Сейчас мы встретились слишком рано. Так что ещё есть время. Неделя на то, чтобы найти имя. Или я его тебе дам.

– А если я откажусь? – попыталась возразить Алина. В конце концов, не будет она просто отзываться на дурацкое имя, придуманное дурацким персонажем.

– Ты думаешь, это так просто? – спросил Джокер. – Ну ладно, думай пока. А теперь – пора возвращаться.

Он подошёл к Алине и резко толкнул её. Девушка полетела на землю... и упала на пол в своей кухне.

Глава 4

Жизнь шла своим чередом. После того случая, когда Алина полетела кувыркком на свою собственную кухню из... ну, право слово, не знала она, как называть то место, в котором она вот уже второй раз встречалась с Джокером. С того самого дня жизнь опять пошла, как и шла до этого. Почти. Совсем почти. Алина занавесила зеркало шторой, и несколько следующих дней заглядывала в комнату только минут на пять. Думала, что так будет всегда, и девушку это ужасно раздражало. Но, как оказалось, человек действительно привыкает ко всему. И уже скоро Алина, сама удивляясь своей, непонятно откуда взявшейся, смелости, спокойно находилась в комнате сколько ей нужно. Но спать всё-таки уходила в кухню. В другие зеркала Алина старалась смотреться по необходимому минимуму. Так и жила. Ещё девушка стала на себе замечать гораздо больше мужских взглядов, чем раньше. И не только взглядов. Конечно, с Алиной и раньше пытались познакомиться, но за всю прошедшую жизнь она не собрала такого количества телефонных номеров мужчин, сколько собрала за последние две недели. Причём, были среди них и номера тех, кто знал Алину уже не один месяц. «Неужели это тоже его проделки?» – думала Алина изумлённо. Зачем? Она продолжила изучать литературу о Трикстере, раз уж Джокер является одним из его воплощений. Алина даже завела тетрадочку, куда выписывала качества Трикстера, подчас противоположные и, казалось, мало совмещаемые в одном существе. Трикстер – существо очень харизматичное и активное в сексуальном плане. «Ну, слава Богу, этого у меня нет», – поморщилась Алина, записав это на новой странице тетрадки. Не то, чтобы она была ханжой, но... всё же воспитание у девушки было, как считала сама Алина, просто «от динозавров». Впрочем, это не мешало Алине втайне гордиться взглядами, типа «без любви – никакой постели, и вообще уж точно не на третьем свидании». «Правда, теперь с такими взглядами ещё сложнее будет найти кого-нибудь», – размышляла девушка, неосознанно рисуя рожицы в тетрадке, предназначенной для «описания странного зверя, прозываемого „Трикстер“». Рожицы получались грустными. Потому что в момент рисования вспоминала Алина этого самого зверя. Сейчас в её воспоминаниях гнева не осталось, да и о том, что с ней играют, девушка почему-то не то, чтобы не вспоминала, а вовсе не волновалась. Нет, Алина изо всех сил пыталась заставить себя думать об этом. Пыталась... и не могла. Она никогда не встречала такого парня, как Джокер. И откуда-то точно знала, что никогда не встретит. «Если я докажу ему... докажу, что гожусь не только в игрушки, что могу сопротивляться... тогда возможно...»

Но как доказать? Джокер пока не объявлял себя. И не было никаких таких его влияний, с которыми требовалось бы бороться, чтобы что-то доказать. Но тут Алина вспомнила. Имя! Она докажет ему, что ей нельзя что-то навязывать! У неё останется её имя. В самом деле! Кто может заставить её сменить своё имя, пусть и не очень ей нравившееся, на другое. Алина даже тихонько засмеялась. Ну, право слово, этот Джокер тут повёл себя, как мальчишка. А вот она это возьмёт и скажет ему в следующую их встречу!

На самом деле, если бы кто спросил не саму Алину, а окружающих, они бы заявили что Алина немного изменилась. Правда, каждый из них нашёл бы вполне логичное объяснение этой перемене. Кроме перемены цвета её глаз и чуть-чуть – черт лица. Ну, так этого вообще никто не заметил. Точнее, не помнил, какими они были до перемены. А что касается остального... коллеги бы заметили, что Алина вроде стала немного поувереннее. Не то, что она раньше всего боялась – девушка как девушка, достаточно ответственный работник, умеющий когда надо отстоять своё мнение. Но сейчас... девушка стала более жесткой, что ли. Более уверенной. Но это вполне можно было бы списать на то, что Алина всё больше и больше осваивается в работе. Мужчины коллеги, – те самые, чьи телефоны попали в список телефонов Алины, – могли бы сказать, что только сейчас, когда они поближе познакомились, они по-

настоящему смогли рассмотреть и узнать девушку. Ну, да мало ли. Видел и видел, заходя в кабинет минуты на две. А вот как в сотый раз на две минуты зашёл, так сразу и понял – она! И красивая, – не видел раньше, странный случай куриной слепоты, – и умная, – я, правда, никогда с ней не говорил, но глаза-то, глаза то умные! И вообще – мужская интуиция не подводит. Просто дремлет иногда. Долго. А другие мужчины и не озадачивались подобными вопросами. Они ведь видели девушку в первый раз.

А сама Алина казалась себе всё более отстраненной. Даже в компании ей казалось, что она находится где-то ещё. Откуда за всем наблюдает. Но ведь Алина и раньше особой любовью к компаниям не отличалась. Хотя на вечеринки ходила, и вроде даже веселилась на них с удовольствием. Даже в последнее время именно Алина становилась центром, душой компании. При чём она, кажется, не прикладывала для этого ни малейших усилий. Просто так получалось само собой, и всё тут. Правда, до сих пор гораздо больше встречи в шумной компании девушка любила посидеть где-нибудь вдвоём, троём в тихом кафе. А ещё подруги могли бы заметить, что Алина стала чуть более вспыльчивой и обидчивой. И вообще, её стало как-то больше. Хотя Алина всегда чем-то привлекала к себе окружающих. Поскольку девушка не стремилась раскрываться до конца, – и даже не стремилась раскрываться до середины, – это привлекало, и казалось загадочным. Всеведущая Люба – коллега и подруга Алины, интересующаяся психологией, могла бы сказать, что у Алины просто обострились черты характера, которые уже присутствовали. А что? Если в переходном возрасте бывает, почему бы и в двадцать пять лет не быть?

Сама Алина никаких изменений за собой не замечала, а если бы и заметила, вряд ли нашла что это то, с чем нужно бороться. А может, и стала бы... просто из принципа. К счастью Алины, она всё же ничего не замечала. А та же Люба не сочла нужным её сказать. Или хотя бы намекнуть.

Одним вечером, точнее, практически ночью, Алина сидела у себя на кухне с дежурной, второй по счёту, чашкой кофе. Делать ничего не хотелось, по телевизору тоже ничего интересного. И спать не хотелось. А главное – обидно было ложиться спать так рано, когда на следующий день выходной. Алина задумчиво смотрела в тёмное окно. Невольно она вспомнила дорогу. Ту самую, на которой ей повстречался Джокер. Алина хмыкнула и, резко встав, прошла в комнату и подошла к столу. Открыв ящик, она вытащила карту Джокера.

Тогда ещё, в первый день по своему возвращению, Алина забросила карту в ящик письменного стола и забыла о ней. Сейчас вот вспомнила. Она взяла карту и... нисколько не удивилась. Не удивилась тому, что теперь карта была не белой. На ней явно обозначилась ночная дорога и луна в окружении короны голубоватого сияния. Чуть дальше, к углам обрамляющего теперь картину венка из роз четырёх цветов, почти спрятавшись за шипастые стебли, виднелись звёзды. Алина смотрела на карту, которую нарисовал, видать, очень талантливый художник. И вдруг ей ужасно захотелось нарисовать нечто подобное. Если бы она умела рисовать! Только её дорога была бы светлее. Словно усыпанная звёздной пылью. И вела бы она в замок на далёком холме. «А почему бы не попробовать?» – подумала Алина неожиданно. Краски и холст у неё были. Люба подарила. Она недавно решила всерьёз заняться рисованием, но, походив на пару уроков, решила, что слишком долго ждать результата. И забросила это дело. А всё, что успела закупить для рисования, – а успела она закупить всё, – подарила Алине. Точнее, отдала. Потому что какой это подарок, который не нужен? Который отдают лишь потому, что тот, кому отдаешь, отказать тебе не может и возьмет? В общем, Алина достала холст и краски и села рисовать. Конечно, она понимала, что ничего из этой затеи путного не выйдет. И, будь у Алины сейчас на примете какие-нибудь более интересные занятия, она бы и пробовать не стала садиться за холст. А так... за неимением лучшего и скуки... можно и попробовать. Неожиданно работа захватила Алину, и она уже с воодушевлением стала водить кисточками по холсту. Рисовать она никогда не училась, но с удивлением обнаружила, что рисовать ей легко.

Словно раньше она не раз брала кисточку в руки. «Наверное, в прошлой жизни я была великим художником, – подумала вконец развеселившаяся Алина. – Да Винчи или Микеланджело. Ну, может Суриковым. Главное, чтобы только не Шишкиным. Брр...» Алину почему-то в детстве пугали картины Шишкина. Увидав их впервые пятилетней девочкой, она спряталась за мать и не решилась оттуда даже выглядывать, пока они не перешли в следующий зал музея, где картин Шишкина не было. Сейчас, конечно, никакого страха она не испытывала, но неприятные чувства остались. Алина сама до конца не могла бы их объяснить.

Суриков не Суриков, а картинка получалась ничего, – на взгляд Алины. Для никогда не рисовавшего человека вполне прилично. Зевнув и обратив внимание, что сейчас уже три часа ночи, а также поразившись, как быстро пролетело время, Алина аккуратно убрала краски и кисточки и легла спать, оставив завершение «шедевра» на завтра. Заснула она сразу. И без снов. Хотя, неизвестно почему сама очень хотела увидеть Джокера.

– Проснись и пой! – жизнерадостный голос Любы выхватил Алину из небытия. Девушка открыла глаза и подскочила на диванчике, который служил ей постелью с поры «взбесившегося» зеркала. Пару минут девушка не могла прийти в себя и понять: проснулась она или нет. Потом решила, что она всё же проснулась. Но всё же что тогда Люба делает с утра пораньше в её квартире? Учитывая то, что дверь Алина не открывала.

– Как ты попала сюда? – только и могла спросить девушка.

– А дверь была открыта. Я хотела позвонить, толкнула, она и открылась.

Алина только головой покачала. Даже не испугалась. Только удивилась очень. Такого раньше с ней не бывало. Люба между тем рассматривала её картину. Алина выругалась про себя. Вот уж что она точно не собиралась, так это показывать кому-нибудь результаты своего творческого сплина. Как бы ей самой не понравилось, но ведь Алина прекрасно понимала, что это явно не для просмотра кем-либо ещё. Алина поспешила отвлечь подружку.

– Кофе сделать?

– Что? – Люба всё рассматривала картину. – Ах, да, конечно. Кстати, неплохо получилось. Даже не знала, что ты можешь рисовать.

– Я тоже... не знала, – проговорила Алина. Не похоже, чтобы Люба шутила. Неужели ей действительно понравилось? Хотя... Алина сейчас бросила взгляд на картину. Конечно, далеко не да Винчи. Но... Алине тоже понравилось. Неплохо получилось.

– А ведь такое бывает. Когда таланты просыпаются попозже. Некоторые только к пенсии и начинают что-то творить. Как моя бабушка, – Люба беспечно болтала, прихлёбывая кофе. Алине ничего не оставалось, как согласиться с подружкой. Прикольно даже как-то. Будем теперь рисовать.

В общем, отчасти благодаря Любе, отчасти благодаря тому, что чудес в её жизни в последнее время было с достатком, Алина не обратила никакого внимания на столь странно проснувшийся талант. А, идя на работу на следующий день, девушка заметила, что вся сцена действия неуловимо что-то напоминает. Она силилась вспомнить, но не могла. До последнего момента, пока вдруг ясно не увидела чужое небо и чужие здания, незаметно для глаза заменившие привычные. Но это произошло всего лишь на секунду. Просто мелькнуло перед глазами, как при повышенной скорости кино, и Алина обнаружила себя на совсем иной улице под красноватым небом другого мира. Именно на той улице, с которой она попала в реальный мир последний раз. Алина охнула. Опять начинается. Осталось вспомнить, куда она шла в тот раз, когда её неожиданным водоворотом унесло в реальность. Хотя, ведь тут, если верить Вере, прошло ровнёхонько две недели. Так что... скорее всего, то, что она собиралась делать тогда, уже не актуально. Но всё же. Алина задумалась. Воспоминания как назло не хотели приходить. А ведь дело было всего-то лишь пару недель назад. Алина подошла к ближайшему зданию и облокотилась о стену. Помассировала виски и вздохнула. Ох... кажется, это слишком для неё. Теперь она поняла тех, кто вновь засыпает. Но всё же... всё же... знать, что ты живёшь в нескольких

мирах. И в любой момент можешь... да, можешь просто умереть в одном из них... как жить с этим? Алина вздохнула. С грустью подумала о том, что некоторые живут в трёх, а то и в четырёх мирах. Это как вообще? В любом случае, идти, куда бы она ни шла раньше, сейчас не имело смысла. Поэтому она решила вернуться к Вере. За время прыжков из нереальности в реальность и обратно у неё появилась пара вопросов. Например, о том, что случается с людьми, умершими в одном из миров? Они просто пропадают из других навсегда? Или как? Отлепившись от стеночки, Алина бодро зашагала по направлению к своему временному пристанищу. Пройдя несколько шагов, девушка вдруг почувствовала, что что-то жжёт кожу даже через ткань кармана, в котором это что-то лежало. Алина машинально засунула руку в карман и достала... карту. Сейчас карта вновь была чистая. Но не белая, а какая-то розовая. И рамка изменилась. На ней по-прежнему были четыре розы. Но шипы на стеблях удлиннились и покраснели. Они выглядели объёмными и, когда Алина машинально дотронулась до нарисованного стебля, она чуть не выронила карту, отдернув руку, на которой обозначилась тонкая, но болезненная глубокая царапина. «Ну, это уже слишком!» – подумала Алина сердито. Её злость была сейчас так велика, что она даже забыла, что вроде более нормальной реакцией в данном случае был бы страх. Впрочем, страх Алина тоже почувствовала. Но позже. Когда услышала сирену сзади. Такая особая тренькающе-лающая сирена. Вера как-то проиграла её Алине на магнитофоне. Только один раз. «Запомни – это сирена Ордена. Они её включают, когда гонятся за преступником».

– А если преступник услышит и убежит? – спросила Алина.

Вера посмотрела тогда на девушку недоуменно, а потом расхохоталась.

– Ты просто не видела никогда...

– Но всё же. Зачем? – не унималась Алина.

Вера тогда лишь пожала плечами.

– Не знаю... но говорят, это очень действует на психику.

Странно, но Алина, которая никогда не встречалась с Орденом, и могла быть уверена, что никаких преступлений не совершала, могла подтвердить – действует. Хотя вроде и не страшно, но все остальные чувства уверяли её в обратном. «Беги!» – забились в мозгу чужая мысль, перекричав все остальные мысли. Например, о том, что лучше остаться и поговорить. И выяснить, что произошла какая-то ошибка. Или вообще тут всем не до неё, Алины. Девушка бросилась к выходу из проулка, но не успела. Там её уже поджидали. Алина каким-то непостижимым образом неверно рассчитала, откуда идёт звук, и погоня оказалась не сзади неё, как она рассчитывала, а спереди. Её ждали Большие – каждая с тигра! – механические твари, чем-то похожие на средневековые химеры, какими тех изображают в рукописях. Львиные головы издавали угрожающий рык, находящиеся на тех же телах головы змей не шумели, даже не шипели, как, вроде, полагается змеям. Они просто извивались и тянулись к Алине. Девушка ломанула назад, но тут же попала в засаду. Её крепко держали за руки, а нечто похожее на металлические жгуты плотно опутало ноги. Держали и опутывали до боли жёстко и крепко. Так что у Алины слезы выступили на глазах, а кости, казалось, затрещали.

– Она совсем зелёная, не надо так стараться, – услышала она вкрадчивый спокойный голос. Алина хотела повернуть голову, чтобы посмотреть – кому принадлежит этот удивительный красивый баритон. И тут же одёрнула себя. Ну и нашла же, о чём думать в данный момент!

– Она – Джокер. Они могут... – другой голос был хрипл и груб. У Алины не было никакого желания смотреть на его обладателя.

– Я знаю. Но можно быть повежливее, – вновь вкрадчиво произнёс первый. «Вот-вот, повежливее», – подумалось Алине. Она услышала негромкую ругань, которая, видать, исходила от владельца второго голоса, и её отпустили. От неожиданности и резкости Алина не удержалась на ногах и упала бы, если бы только её не поддержали. Она посмотрела в лицо удержавшего её от падения и снова охнула. Таких красивых чёрных глаз... Алине помогли

встать на ноги, и она теперь смогла получше рассмотреть их обладателя. Именно он был первым, который заговорил. Обладатель столь покоряющего голоса. Обладателя всего этого богатства можно было бы обвинить только в одном – он слишком красив. Но Алина сочла, что это весьма абсурдное обвинение. Она даже, кажется, на некоторое время забыла своё увлечение Джокером.

– Вот так лучше. Я думаю, леди пойдёт с нами сама. Если мы попросим и скажем, что не хотим ничего дурного, – чёрные глаза пристально смотрели на Алину, ожидая ответа.

– По вашим манерам этого не скажешь, – Алина была очарована, словно под властью какой-то незнакомой ей магии. Но она решила, что, по крайней мере, стоит показать этому юноше, что всё не так просто.

– Ах, это, – юноша махнул рукой. Золотые узоры на его одежде, похожей на древнеримскую тогу, сверкнули в лучах заходящего солнца. А в глазах им вторили холодные искорки, – не обращайтесь внимания на Эдаттсани. Он... он пару раз сталкивался с абсолютным непониманием. А ведь работу как-то нужно выполнять, правда?

Алина чуть заметно кивнула. Она и понятия не имела о том, что за работу этот парень имеет в виду. Но и не хотела этого знать.

– Что вы хотите от меня? – спросила она, словно купаясь в лучах улыбки красавчика.

– Просто познакомиться. Меня зовут... Хейнтайлль. Я – старший магистр Ордена. И я был бы очень рад приветствовать леди Джокер. Это большая честь. И для нас, и для вас. А главное – большая редкость.

– Тот, кто обладает картой Джокера – редкость, – Алина не спрашивала. Скорее глубокомысленно утверждала. Ну, когда ещё представится случай блеснуть своими, пока ещё скудными, познаниями о «делах карточных». Улыбка Хейнтайлля оставалась такой же безмятежной.

– Редкость, что Джокер выбрал не избранника, а избранницу. Хотя, мне всегда казалось, что...

Тут юноша прикусил язык. По его изменившемуся лицу можно было подумать, что сделал он это в самом буквальном смысле. Но тень, набежавшая на прекрасное лицо, скоро испарилась. Вроде и не было. И юноша улыбнулся вновь.

– Мы рады будем приветствовать у себя в гостях леди Джокер. Леди ведь не откажется сделать остановку в нашем скромном жилище?

Алина посмотрела вокруг. Двухметровый Эдаттсани, на котором по швам трещала голубовато-серебряная «тога», смотрел в её сторону вовсе не дружелюбно. И кажется, в любой момент был готов пустить в ход свои руки, мощь которых Алина уже узнала на своих плечах. Рядом находилось два каких-то аппарата на колёсиках, вроде подставки с извивающимися жгутами, – именно они и опутали ноги Алины. А химеры успели подойти поближе и теперь тоже косились на Алину, не спуская глаз. Девушка подумала, что, раз уж ей не отвертеться от приглашения в гости, то пусть хотя бы видимость будет, что она действительно гостя. Она кивнула и под руку с ведущим себя совершенно по-джентельменски Хейнтайллем прошла к стоявшему невдалеке лимузину. Между прочим, золотому. Сказал бы кто Алине, что она будет кататься на золотом лимузине – она бы восприняла это как плохую шутку. Да, чего только в жизни не бывает.

Скромное жилище, кстати, оказалось высоченным замком. Стоял он на месте, где в реальном мире, – всё ещё Алина называла тот мир, из которого пришла, реальным, а остальные... остальные она и не знала, как называть, – находился оперный театр. Вот, только со стилем замка не смогли определиться его строители раньше. Как не могла определиться Алина сейчас. Вроде бы готические шпили возносились вверх, венчая крыши, тёмно-красные и закругляющиеся по краям, как у японских замков. Высокие стрельчатые окна на втором этаже дисгармонировали с маленькими бойницами на первом. Сам замок был опоясан двумя рядами

греческих колонн. Только не белых, а словно сделанных из полудрагоценных тёмных камней. Хотя почему – словно? Возможно, это и были самые настоящие полудрагоценные камни. Машина подъехала к широким мраморным ступеням, – если, конечно, в этом мире встречается голубой мрамор с золотыми и серебряными прожилками. Сами ступени светлым пятном выделялись на фоне достаточно тёмного здания. Хейнтайль проводил Алину в замок. Чередой комнат они вошли в сравнительно небольшую залу с камином. Были уже сумерки, и дальние очертания залы, освещённой лишь в середине камином и свечами, терялись в полутьме. Кажется, стены были уставлены шкафами с книгами, свитками и какими-то безделушками. Хейнтайль предложил девушке сесть, и только тут Алина заметила, что на столе перед камином стоят закрытые подносы. Откуда-то, – Алина не удивилась бы, если из воздуха, – Хейнтайль достал тарелки и столовые приборы.

– Насколько я понял, вы только что совершили переход. И насколько я знаю, новички испытывают после перехода острое чувство голода. И ещё усталость.

– Я не... – начала было Алина, но тут же поняла, что она и в самом деле ужасно голодна. Поэтому она только кивнула в ответ Хейнтайлю.

Она уселась в одном из кресел за столом, а Хейнтайль жестом фокусника освободил блюда от крышек подносов. Алина ахнула. Кусочки жареной утки в соусе с апельсинами манили невероятным запахом. На втором блюде оказался жареный, исходящий – видать, утиным же – жиром рис. Третье блюдо поразило разнообразием хлеба и несколькими плоскими с маслом и мягким сыром. Настоящий пир. Алина облинулась. Она уже готова была приступить к лакомству, как вдруг Хейнтайль хлопнул себя по лбу и сказал:

– Вот я балда! Забыл о такой важной вещи.

Парень щёлкнул пальцами, и через минуту двери в зал открылись и вошёл служитель Ордена с подносом, на котором стоял графин с вином и два бокала. Алина хотела было отказаться, но потом решила – «да какая разница» и не возразила, когда Хейнтайль наполнил вином её бокал.

– За прекрасную леди... а кстати, как вас зовут? Нет, я всё же балда. Даже имя не узнал.

И Хейнтайль рассмеялся так заразительно и светло, что Алина не удержалась и присоединилась к нему.

– Меня зовут Алина.

– А... вы ещё не поменяли имя.

– Я и не собираюсь, – гордо сказала Алина.

– Вам придётся, – спокойно заметил её собеседник. – Впрочем, вы сами это поймёте, так что не будем сейчас спорить, – быстро проговорил он, заметив, что Алина собирается что-то сказать в ответ. – За вас, леди Алина!

Алина кивнула. Спорить сейчас ей действительно не хотелось.

– Так что же вы хотели от меня? – спросила девушка, пригубив свой бокал.

– Вы, наверное, не поверите нам, – задумчиво ответил Хейнтайль, – и это ваше право. То есть я вас понимаю. Я тоже бы... но на самом деле... леди Джокер – такая редкость. Такая редкость, что не может быть не замечена нами.

– Вами?

– Орденом. Пока, наверное, вам так не кажется, но... ваша сила. Она не просто велика. Она совершенно особая. И когда она начнёт просыпаться... нам не хотелось бы, чтобы эта сила была не на нашей стороне.

– У вас всё-таки странная манера вербовать себе сторонников, – Алина опять вспомнила хиимер... и жгуты. У неё, наверное, такие синяки остались!

– Ещё раз прошу прощения, – вздохнул Хейнтайль, – но даже члены нашего Ордена по-разному понимают просьбу пригласить кого-то в гости.

На лице Хейнтайлла было написано самое искреннее раскаяние. И Алина решила больше не сердиться и не напоминать об этом инциденте.

– Вы предлагаете мне... – начала было она.

– Дружбу, – проговорил Хейнтайлл, – искреннюю и, надеюсь, неомрачённую ничем дружбу.

– Но тогда мне нужно узнать о вашем Ордене. Ибо... сами понимаете – то, что говорят в городе...

– И не только в этом городе, к сожалению, – вздохнул Хейнтайлл, – конечно, в подобных слухах есть плюс, но всё же хотелось бы побольше благодарности от людей, которые ведут достаточно безбедное существование благодаря нам. А это вовсе не такая уж лёгкая работа – обеспечить безбедное существование куче людей, большинство из которых более всего в жизни ценят безделье.

– Сочувствую, – автоматически сказала Алина. Уж очень грустным было лицо её собеседника.

– А ведь до того, как Орден занял в мире своё место в этих мирах... – сказал Хейнтайлл, кажется, ни к кому не обращаясь.

– А что тут было? – спросила девушка.

– Ничего. Тут вообще ничего не было, – ответил Хейнтайлл по-прежнему в пустоту. Потом взглянул прямо на Алину, улыбнулся и продолжил уже более весело: – Думаю, сейчас нет смысла говорить об этом. История не очень понятна нам самим, к тому же, леди, вы устали.

Алина даже не пыталась возразить на этот раз. Она действительно чувствовала себя очень уставшей, хотя и встала всего лишь несколько часов назад. Но это, правда, в том мире.

– Думаю, вам следует отдохнуть и выспаться. А завтра мы продолжим наш разговор.

По незаметному и неслышимому для Алины знаку Хейнтайлла появилась служительница Ордена. Одежда её была такой же расцветки, как и у Эдаттсани, но только покроем совсем иной – недлинное, чуть ниже колен облегающее платье с глубоким вырезом.

Девушка проводила Алину в предназначенную для неё комнату. Точнее, комнаты. Так как покои включали не только спальню, но и небольшую ванную. Очень скоро Алина спала на мягкой постели. Так крепко, будто не спала до этого несколько дней. Поначалу никаких снов девушке не снилось. И лишь потом во сне она услышала хрустальный звон и увидела свою руку, держащую карту Джокера. Этот образ выплыл из калейдоскопа других, но не расплылся, как они, а задержался. Алина поняла, что спит. И что сейчас ей стоит ожидать новой встречи с Джокером.

Алина ждала дороги и ночи. Ждала освежающего ветра. Но взамен девушка оказалась в зале замка. Почему она решила, что это замок – Алина и сама себе не смогла бы объяснить. Замок и всё тут. Только стены замка были сделаны из живых языков огненного пламени. Алине казалось, что она слышит рокот огня. И чувствует жар от стен. Но, подойдя к стене, она, дотронувшись до неё, сразу же со вскриком отдернула руку. Она действительно обожглась. Но не огнём. А холодом. Таким холодом, которого в реальном мире и не бывает даже наверное. А, прислушавшись, Алина ничего не услышала. Так странно было наблюдать это пламя, которое оказалось не пламенем.

– Это огонь. Только ледяной огонь.

– Разве такое бывает? – спросила Алина, оборачиваясь на голос и буквально утыкаясь в Джокера носом – он стоял там, где минуту назад его ещё не было. Впрочем, Алина уже давно поняла, что это – его территория. И тут он может делать всё, что захочет. В том числе и появляться тогда и там, где считает нужным.

– Ты же сама видишь, – нахмурился Джокер. Сейчас он был похож на учителя, который совершенно не представляет, почему нерадивый ученик не может понять, что дважды два

– это четыре. Алина с удовольствием рассмотрела Джокера. Сейчас он был одет в красные брюки и рубашку, по которым также пробежали языки пламени. Только синие языки. Наряд был, по мнению Алины, до крайности нелепый. Но так же она была вынуждена признать, что Джокеру он шёл необычайно. «Впрочем, – с грустью отметила про себя девушка, – Джокеру идет всё». Какой уж там старший магистр Ордена! Алина и забыла о нём. Но унынию предаваться не хотелось, а так, как Джокер молчал, Алина начала разговор сама.

– Я думала, мы встретимся на дороге, – девушка сказала это с еле заметной грустью, так как с удивлением отметила, что скучает по тому месту.

– Решил сменить интерьер, – пожал плечами Джокер. – Это место подходит мне не больше, чем то... но и не меньше. Как и любое другое место во Вселенной. А всё же разнообразие. Что же поделаться, если я везде – чужой камень, который не влезает ни в одну оправу?

– Если уж правы сведения о тебе, – решила Алина и тут блеснуть вычитанными знаниями, – ну не смогла удержаться! – то есть место, которое «твое». Это хаос.

Джокер некоторое время смотрел на Алину, потом рассмеялся. Девушка надулась. Неужели она что-то не то сказала? А Джокер, отсмеявшись, хитро подмигнул Алине и сказал:

– Хаос – то, что существовало прежде всего. Именно из него создались все места. Так что сам хаос уж никак нельзя назвать местом. Ведь тогда возникает вопрос: а раньше места под именем хаос какое место было?

Алина выругалась про себя, а Джокер продолжил:

– Я сам люблю философию. Всё что угодно можно доказать. Например, то, что тебя сейчас нет в этой комнате. И вообще нет.

Алина продолжала молчать, предоставив Джокеру сказать ещё что-нибудь. Тот не преминул воспользоваться подарком.

– Но, правда, больше всего на свете я люблю разрушать чужие философские построения. Попробуй на досуге. Это весело. И совсем несложно. Как тебе великий Орден?

Переход с темы на тему был столь резким, что поначалу Алина не знала, что и сказать. Лишь собравшись с мыслями, она ответила:

– Я не знаю. Нужно время, чтобы понять. Но я не чувствую зла или опасности.

Джокер поднял вопросительно бровь.

– В самом деле? А как тебе рисовать?

Он перескочил с темы на тему так естественно, словно горная коза с одного уступа на другой. Алина же снова встала перед ним в растерянности.

– Это твой дар? – спросила она наконец.

Джокер пожал плечами.

– Зависит от того, что ты имеешь в виду.

– Ты дал мне дар рисования.

Джокер минуту рассматривал Алину, как какое-то странное животное, и вдруг расхохотался. Хохотал он от души, до слёз из глаз. Разве что не покатылся по полу. А потом, отсмеявшись, сказал:

– Я не мог тебе ничего такого дать. Я всего лишь раскрыл то, что уже есть. То, что уже было.

– А у меня был талант к живописи? – удивилась Алина.

– Как и много других. Просто этот лежал ближе остальных. Если хочешь, могу ещё что-нибудь... музыку, например, писать будешь. Или... впрочем, это очень далеко лежит. Тут даже я через пару лет только справлюсь.

Не сказать, что Алина хоть что-нибудь поняла, но задать вопрос ей не дали. Стены замка как-то странно дернулись и поплыли.

– О, кажется, ты понадобилась кому-то до зарезу в бодрствующем состоянии, – заметил Джокер.

Это успокоило Алину. Немного. Стены продолжали плыть. А Джокер задал новый вопрос:

– Так как же насчёт имени?

Объяснять свою позицию насчёт своего родного имени у Алины не было времени, но внезапно, наверное, под воздействием вина, на неё напало проказливое настроение, как в детстве. И, из последних сил пытаясь удержаться на гребне сна, она крикнула:

– Меня зовут Старрайзе! Звёздная, звёздная дорога, а не лунная!

Правда, Алина сама не была уверена в правильности как значения слов, так и произношения. Ну и ждала реакции от Джокера. Реакция последовала.

– Звёздная, так звёздная, – услышала она совершенно спокойный голос.

И проснулась.

Глава 5

– Просыпайтесь, леди, просыпайтесь.

Вот просыпаться как раз и не хотелось. Во-первых, Алина на этот раз не договорила с Джокером. Бывает такое ощущение, когда разговор резко прервали. И пусть от этого разговора оставалось всего ничего – разве что последняя фраза и прощание – всё равно неприятно. Ну а во-вторых... Алина попросту не выспалась за эти пару часов, что прошли с момента засыпания. Но проснуться всё же пришлось. Алина с трудом разлепила глаза. Прямо над ней, то есть на ней находилась девушка. Молоденькая, тоненькая девушка, с неестественной бледностью кожи, что можно было списать на яркий лунный свет, заливавший комнату. Девушка изо всех сил трясла Алину, пытаясь разбудить. И даже, кажется, прыгала на ней. Правда, была совсем уж невесома – Алине показалось, что она весит меньше цыплёнка. А ещё неприятными показались ей прикосновения девушки. Совсем холодные. Алине даже почудилось, что волна холода идёт от самой девушки. Но она быстро отогнала эту мысль.

– Что случилось? Кто вы? – спросила она необычайно быстро для только что проснувшегося человека.

– Леди. Вы должны уходить отсюда! Немедленно! Пока не поздно!

– Но...

– Быстро! Уходить! – в глазах девушки было столько отчаяния, что Алина осеклась на полуслове. И только сейчас обратила внимание, что она видит девушку очень чётко. Гораздо чётче, чем полагалось бы, даже учитывая то, что луна светит вовсю.

– Для начала, – Алина попыталась сказать ещё одну фразу. Тут в глазах девушки появился страх, даже ужас. Она легко вскочила с Алины, и теперь та могла видеть её тонкую фигурку, омываемую лунным светом. Только вот лунный свет не омывал её. Он шёл сквозь девушку, как сквозь статуэтку из не очень качественного, чуть мутноватого хрустала. Внезапно для Алины стало ясно, почему прикосновения девушки были такими холодными. И от неё действительно шёл холод – тут Алина тоже ничего не вообразила. Девушка устала на свою призрачную гостью. Больше всего Алину удивляла собственная реакция. Она впервые в жизни увидела привидение. И... ничего. Никакого страха, тем более – ужаса. Никакого удивления. «И чего это в фильмах все так орут?» – удивилась Алина. Она по-прежнему рассматривала девушку. Алина даже встала и попыталась прикоснуться к госте. И тут же отдернула руку. Та не прошла сквозь тело привидения, как ожидала Алина. То есть она, может, и прошла бы, но как только Алина попыталась погрузить её в призрачную плоть, руку сковал невероятный холод. Алина стала тереть руку и трясти ею. На миг даже показалось, что вместо кисти у неё теперь кусок льда. Но этот кусок льда болел так, будто его пронзали сотни иголок, что давало Алине право надеяться на то, что рука всё-таки осталась при ней. И даже будет действовать как... как рука. Девушка, казалось, больше не обращала внимания на Алину. Она просто стояла и смотрела куда-то сквозь – словно это не она, а Алина была привидением.

– Что ты хочешь сказать мне? – спросила Алина. Но девушка молчала. Алина начала нервничать. Но это продолжалось недолго. Вновь внезапно, как и раньше, девушка обернулась к Алине и посмотрела прямо на неё. Уже осмысленно.

– Уходи отсюда... – на этот раз голос был другим. Он шипел и свистел.

– Уходи! – голос взвыл на такой высокой ноте, что Алина чисто автоматически зажала уши.

– Да кто ты? – в свою очередь закричала Алина.

Девушка лишь печально покачала головой. И тут в секунду, как это бывает в фильмах ужасов, её лицо изменилось. Нежные черты исказились гримасой боли и отчаянья. Кожа лопнула, и уродливые шрамы пересекли лицо по щекам. Глаза запали, и на Алину смотрели уже

кровавые раны пустых глазниц. «Вот когда такое увидишь – точно закричишь», – неожиданно подумала Алина. Но она опять не закричала. И не испугалась. Она онемела и смотрела на происходящее как зритель, который на самом деле находится не здесь, а где-то по другую сторону экрана. Девушка привидение открыла рот в крике ужаса, но крика не последовало, только кровь толчками выливалась на подбородок и катилась ниже, на платье. А потом привидение отступило назад. Нет, не отступило. Её буквально что-то потащило назад, к стене... и в стену. Привидение утопало в стене комнаты, пытаясь выбраться. Но кто-то был гораздо сильнее. И он тянул, тянул. В последнем усилии привидение закричало, и на секунду вместо окровавленной рожы на Алину смотрело прежнее милое личико. Оно прошептало:

– Спасайтесь, леди. Иначе... я – Диратта. Вы станете... так же...

Толчок, словно от боли, прошёл через всё тело привидения и голова девушки полностью ушла в стену. Алина осталась стоять посреди комнаты в недоумении. О сне нечего было и думать, конечно же. Но... Алина судорожно глотнула. Голова кружилась. Она совершенно не знала, что делать сейчас. Что это было – предупреждение? И она если останется здесь, станет такой же как... как... или, может быть, это что-то типа проверки? Подходит ли она Ордену.

– Ну почему эти привидения всегда говорят так невразумительно, – пожаловалась вслух Алина. Она уже забыла, что о привидениях, собственно говоря, знает только из фильмов и книг. И это единственное привидение, которое она... впрочем, разве сейчас это важно?

«Наверное, потому, что это, подчас, существа, умершие не своей смертью, не понявшие до конца, что произошло. И не очень здоровые психически из-за всего этого».

На этот раз голос Джокера в сознании раздался хоть и не ожидаемо, но как раз тогда, когда это было необходимо.

– Но почему ты меня не предупредил?

«А я обязан? Я тебе кто тут? Вообще-то я обязан подставлять и творить пакости, а не выручать из них».

– Но ты достаточно часто помогал, я знаю. Я читала.

«Ну ладно, поймала».

Поскольку Джокер замолчал, Алина спросила:

– А дальше мне что делать? Тут вообще действительно опасно? Да?

«Тебе решать».

– Но как? Я ведь ничего не знаю, – Алина почувствовала, что её разум постепенно погружается в пучину отчаяния. Ужасно захотелось уткнуться в чью-то жилетку и поплакаться. И представить себя маленькой девочкой, для которой нет проблем, недоступных самой великой силе во вселенной – маме. Джокер, естественно, и не думал её утешать. «Ещё наверняка и смеётся надо мной, зараза», – неожиданно зло подумала Алина. К сожалению для неё, злость вовсе не придала ей сил. Она продолжила в прежней манере:

– Неужели тебе будет совсем не жаль меня?

Чужой смех разнёсся по сознанию сотней хрустальных колокольчиков. А потом, когда он смолк, пришёл ответ:

«Честно? Мне будет обидно».

– Обидно?

«Разумеется. Ведь если случится что по твоей глупости либо благодаря твоей слепоте или упрямству, что, собственно говоря, одно и то же – я буду разочарован и немного зол на то, что сделал неправильный выбор».

На этот раз разговор был закончен. Алина даже не спросила больше ничего. Просто каким-то внутренним чутьём поняла, что Джокер больше не скажет ни слова. Точнее, не пошлёт ни мысли.

«Ладно», – подумала девушка. Она огляделась. Прежде всего, Алина нашла свою одежду. Луна продолжала освещать комнату и поиск, а также одевание далось девушке без труда. А потом Алина уже знала, что надо делать. «В любом случае, лучше быть живой душой и истеричкой, чем мёртвой умницей и смельчаком», – подумала она. В общем, Алина чётко решила, что из столь гостеприимного замка ей нужно уходить. Оставалось решить совсем уж маленькую проблемку – как это сделать.

Конечно, это хорошо, когда план разработан. Просто отлично. Но ведь план на то и план, что требует выполнения. Иначе толку от него... а вот как выполнить свой план – Алина даже не представляла. Ведь наверняка замок должен неплохо охраняться. Первым делом Алина выглянула в окно. Впрочем, она особо не рассчитывала найти там решение проблемы. Комната располагалась на самом верхнем этаже одной из башен в стиле дворцов из «тысячи и одной ночи», и даже верхушки деревьев отсюда виднелись где-то внизу. Да и различались еле-еле из-за темноты. Ночь всё же. Что делать, Алина не знала. В голове носились мысли о самодельных верёвках, сделанных из простыней, о когтях, которые вроде бы носили ниндзя, чтобы путешествовать по стенам. И ещё почему-то о волосах Рапунцель. «Вот были бы у меня такие волосы, – подумала девушка грустно, – я бы могла привязать их куда-нибудь около окна. А потом спуститься и отрезать». Впрочем, ножниц в обозримом пространстве Алина тоже не наблюдала. А оторвать волосы... Алина чётко вспомнила, как их учитель по ОБЖ в школе рассказывал о технике безопасности. И этак серьёзно говорил. «Запомните, барышни. Волосы не рвутся. Так что если попадут куда – голова попадёт за ними следом. И ничего вы с этим не сделаете». По какому поводу была сказана эта эпохальная фраза, Алина сейчас не помнила. Но сама фраза всплыла сейчас очень ярко. И фраза, и говорящий её «обэжист» – невысокий, жилистый мужчина, всегда похожий на растрёпанного воробья из-за причёски в стиле «взрыв на макаронной фабрике». Алина вздохнула. Что-то не вовремя она увлеклась воспоминаниями. А ведь надо искать выход! На всякий случай Алина бросила полный надежды взгляд на простыни. Но, во-первых, даже если удастся оторвать шторы, получится очень недлинная верёвка. А во-вторых... Алина совершенно не была уверена в способности этой самой веревки поднимать тяжести. «Эх, жаль, что я сама не Джокер, – подумала Алина. – Уж этот персонаж как-нибудь выкрутился бы. Например, спокойно поспал до завтра. А назавтра... назавтра он бы так заморочил голову хозяевам замка, что они сами его отпустили бы. Да ещё и пирожками на дорожку снабдили. А ещё лучше – превратился бы в воробья и долой отсюда. А я... этот тип мне и помогать не хочет! Хотя я здесь из-за него. Небось сейчас наблюдает и радуется». Алину вновь, – в который раз за последнее время, – пронзил приступ острой жалости к себе. Но она не заплакала. «А чего ему тебе помогать, – зашептало в сознании, – ты на себя посмотри. Глупая корова! Да ещё и повторяешься постоянно». Алина цыкнула на внутренний голос, встала и подошла к двери. Там девушка прислонилась ухом к гладкой поверхности и прислушалась, пытаясь узнать: есть ли кто в коридоре. По мнению Алины, необходимости и разумности в этом не было никакой. Ведь девушка была абсолютно уверена, что её заперли. С чего бы такая уверенность – Алина и сама не знала. Просто после того, что случилось ночью, Алина была уверена – из замка её не отпустят. И теперь она уже не верила Хейнтайллиу. Не верила его красоте и вежливости. Даже наоборот. Именно это теперь больше всего пугало девушку. Гораздо больше, чем железные, послушные воле своих хозяев роботы-химеры. Те слухи, которые ходили в городе об Ордене и сейчас вспомнились Алине, тоже уверенности и смелости не прибавляли. Алина слушала, сидя у двери на корточках и прислонившись ухом к крашеному дереву. Сначала ничего не было слышно. Но потом до слуха Алины донёсся еле различимый шум. Девушка буквально вдавилась в дверь, пытаясь расслышать получше. Она чуть привстала, задела рукой ручку... и выле-

тела на пол слабо освещенного коридора. Дверь была не заперта! Алина рассмеялась уже непонятно чему. Наверное, это была истерика. С чего она вообще решила, что её заперли? Она ведь не слышала, как поворачивался ключ в замке. И почему она просто не попробовала открыть дверь? «Действительно, глупая корова... даже не корова – овца», – обругала себя девушка. Она осмотрелась. Коридор был пуст. Он был коротким и упирался ещё в одну дверь, ведущую на лестницу с башни. Дверь, которую Алина уже попыталась открыть без колебаний, оказалась также не заперта. Вниз уходили ступеньки, теряющиеся в полумраке. Алина осторожно стала спускаться по ним. Она уже придумала, что если встретит кого, то может объяснить, что ей стало душно и не хотелось спать... или что она лунатик и только что проснулась... да мало ли что можно рассказать! Главное – не показывать страха. Ведь она же не пленник тут. По крайней мере, именно так ей сказали – она гость. А гость имеет право выходить из своей комнаты, когда не спится. Правда? А если хозяева не хотят, чтобы их гость куда-то совался... то они должны закрывать дверь.

Хотя неяркий свет горел везде, обитатели замка, кажется, спали. Алина совершенно спокойно миновала несколько зал и лестниц. Она с трудом ориентировалась в этом лабиринте. Шла лишь по наитию. Ненадолго возникла мысль: а что же она будет делать, когда дойдёт до входных дверей. Ведь входные двери точно должны быть закрыты. Но Алина отогнала эту мысль. «Там посмотрим», – решила она. Следующая дверь привела девушку в ту самую комнату, в которой они ещё совсем недавно ужинали с Хейнтайллем. Камин в комнате горел слабым пламенем, но в его отблесках можно было различить, что в кресле у камина кто-то сидит. Девушка застыла. Почему-то она была уверена, что если сейчас в кресле сидит Хейнтайлл, то она не сможет скрыть своих чувств. Что Хейнтайлл без труда прочтёт на лице её не только чувства, но и всё то, что случилось с девушкой сегодня ночью. Так, словно её лоб – это экран телевизора. «Что за чушь!» – одёрнула себя девушка и приблизилась к креслу. Выйти из комнаты она уже не могла. Тот, кто сидел в кресле, повернулся к ней и сейчас с любопытством за ней наблюдал. Теперь девушка увидела, что это вовсе не Хейнтайлл. В кресле сидел ребёнок. Прелестный малыш вызывал ассоциацию со старыми, дореволюционными ещё открытками, на которых были изображены ангелочки. Такой же златокудрый, с вьющимися барашками нежных волос, черноглазый, с пухлыми щёчками и губками. А вид ему было лет пять, не больше. Но, взглянув в его глаза, девушка остолбенела. Это был вовсе не детский взгляд. Впрочем, малыш тут же улыбнулся совершенно беззаботной детской улыбкой, и девушка подумала, что ей попросту показалось. Эта ночь вымотала её. Правда, непонятно, что делает ребёнок здесь один.

– Ты белявка? – спросил ребёнок. Голосок был детский, но слова произнесены очень чётко и правильно.

– Кто? – не поняла девушка.

– Белявка. Ты ведь тут будешь убирать. Или учить? Это... как же дядя Зарка говорил, – малыш нахмурил лобик и некоторое время думал. Потом торжествующе произнёс: – Ага! Работать.

Алина подошла поближе и сказала:

– Я не белявка. Я гость.

– Ой, здорово! – малыш захлопал в ладоши. – Я обожаю гостей. Но к нам они редко приходят. И потом пропадают.

– Пропадают? – переспросила девушка. Перед глазами чётко всплыло лицо девушки-привидения. Она поёжилась.

– Да... дядя Литре говорит, что они уходят. А тётя Зарка говорит, что они все неинтересные. Но я-то знаю – они интересные!

– Дядя Зарка, – машинально произнесла девушка.

– А-а, он то дядя, то тётя, – беспечно произнёс малыш, совсем по взрослому махнув рукой куда-то в неопределённость.

«Да... не так всё просто, как на первый взгляд кажется», – взгрустнула девушка. Но долго грустить ей не дали. Мальчик вновь завладел её вниманием.

– А! Как здорово, что ты гость! А как тебя зовут? А ты играть умеешь? Тут никто не хочет со мной играть, – шмыгнул он носом, и милое личико скорчилось в гримаске.

– Меня зовут... – начала было девушка бодро. Начала, но не закончила. Она с ужасом обнаружила, что не помнит, как её зовут. Это был нереально, неестественно, но она не помнила. Она помнила только Старрайзе – то самое имя, которое она выкрикнула Джокеру. Так вот что это такое. Вот почему она не может не пользоваться именем! Она просто не будет помнить другого. «А как же в реальном мире?» – мелькнуло в голове у девушки и пропало. Сейчас было не до этого. Ребёнок ждал ответа, а у девушки между тем созрел план, как выбраться отсюда.

– Меня зовут Старрайзе, – уверенно проговорила она, – и я очень люблю играть. Особенно на улице.

– Я тоже! – радостно подхватил её маленький собеседник.

– Так бы хотелось сейчас поиграть, – мечтательно закатила глаза Старрайзе, поглядывая на ребёнка.

– Очень, очень хочется, – подтвердил малыш.

– Жаль, двери закрыты. Да и ворота, – продолжила Алина.

– Это не проблема, – весело отозвался её собеседник, – а ты действительно будешь играть со мной?

– Ну, конечно же! – поспешила заверить его Старрайзе. – Сам подумай, ведь какой прок играть одной? Скучно же.

– Да, скучно, – с видом знатока проговорил мальчик.

– Но... нас ведь увидят... и тогда мне попадёт. Скажут: какой невоспитанный гость...

– Не увидят! – мальчик даже в кресле подпрыгнул, предвкушая путешествие в ночь. – Никто не увидит меня, если я сам не захочу! Ну, и тебя.

– Ты счастливый, – проговорила девушка.

– А хочешь, научу тебя?

– И тогда мы сможем играть каждую ночь! – уверила его девушка.

– Здорово! Пойдём, – мальчик уже не мог усидеть на месте и вскочил с кресла.

– Просто так? А тебя не хватятся?

– Кому это нужно? – недоуменно спросил ребёнок, направляясь к двери.

Старрайзе пожалала плечами и последовала за своим поистине странным сопровождающим.

Старрайзе шла за своим проводником, уже не удивляясь даже тому, что еле поспевает за ним. Даже быстрым шагом. А ведь ребёнок, – девушка упорно не могла перестать про себя называть его ребёнком, – шёл на своих маленьких ножках отнюдь не спеша. Даже как-то вальяжно. Старрайзе же попросту запыхалась, пока они прошли ещё несколько зал и коридоров. Не все помещения были пусты. Во многих дежурили члены Ордена и даже слуги, – их одежда отличалась цветом. Но... ни девушку, ни её спутника словно бы не замечали. Это по-настоящему удивило Старрайзе. И тут же мальчик словно прочитал мысли девушки.

– А, не обращай внимания, – сказал он, – просто, каждому объяснять – так и ночь закончится. А я поиграть хочу.

Старрайзе только кивнула. Интересно, он все мысли читает? Наверное, всё же нет. Иначе давно бы понял, что девушка попросту хочет выбраться отсюда. Без всяких игр. Или он понял? И сейчас ведёт её в ловушку. Сердце как-то нехорошо всполошилось. Но тут же успокоилось. Зачем такой цирк с ловушками, спрашивается. Нет, видать, парнишка читает только самые эмоциональные мысли. Наверное. И тогда нужно держать себя в руках. Старрайзе судорожно

сглотнула и продолжила идти за мальчишкой. А тот совершенно спокойно вышел во двор замка и, пройдя несколько шагов, обернулся к девушке и сказал:

– Ну и вот. Мы на улице. Во что играть будем?

– Нужно отойти подальше, – неуверенно начала девушка, – так, чтобы темнее и интереснее.

Она не очень-то ждала, что мальчишка поддержит её идею. Но он сразу оживился.

– Да, и вправду. Тут фонари.

В самом деле, две ленты фонарей – непонятно на чём держащихся желтоватых шариков – начинаясь от крыльца, уходили куда-то в сторону, освещая выющую змейкой дорожку, зато влево уходила другая, совершенно неосвещенная тропинка.

– Давай поиграем, будто я потерялся, а ты меня ищешь! – предложил паренёк. – А потом ты будешь спасать меня от страшных зверей.

– Страшных зверей?...

– Ну да, наших Р. О. Т. от. Они знаешь, какие страшные... когда обеими головами шипят.

Похоже, это как раз и были химеры, с которыми девушка уже познакомилась. Неосознанно, она передёрнулась, вспомнив этих роботов.

– Я не уверена, что смогу... может, лучше ты будешь спасателем?

Мальчишка хмыкнул, и девушка продолжила быстро:

– Ты ведь мужчина. А я дама. Дам полагается спасать.

– Кому полагается? – спросил мальчишка.

– Ну... рыцарям всяким... от разных чудовищ, разбойников и драконов. Так же во всех сказках!

– А... – задумчиво протянул мальчишка, – что-то такое я вспоминаю, мне рассказывали. Кто-то из гостей. Но... это было давно. А потом гости долго не появлялись.

– Хочешь, я тебе расскажу? – спросила Старрайзе. Сейчас, правда, у неё из головы вылетели все когда-то слышанные и прочитанные сказки, но девушка решила, что и сама может что-нибудь придумать. Сюжет-то везде один и тот же.

– Здорово! А сказка страшная? – спросил ребёнок.

– Очень, – пообещала девушка.

– Тогда нужно рассказывать там, где потемнее, – авторитетно заявил мальш.

– Главное, там, где потеплее, – поёжилась Старрайзе. Только сейчас она ощутила, что ветерок вовсе не обволакивает теплом. Скорее наоборот.

– Тогда нужно вернуться, – разочаровано проговорил мальчик.

Старрайзе на минуту задумалась, а потом её вдруг озарила идея. Которая показалась девушке на удивление хорошей.

– А если мы найдём машину. Тут же есть?

Ребёнок кивнул, не совсем понимая, куда клонит девушка.

– Мы можем залезть туда. И представить, что это – логово страшного дракона.

– Отлично. Пойдём, – уверенно сказал мальчик, протягивая руку. Старрайзе взяла его за руку и скоро поняла, насколько это было правильным решением. Мальчик вёл её куда-то вглубь двора в совершеннейшей темноте. И если бы не тянул девушку за собой, она сама споткнулась бы как минимум раз десять.

– А по дороге ты расскажешь мне сказку... про дракона и принцессу.

– Хорошо.

Девушка действительно рассказала своему спутнику сказку. Наскоро сочинённую. По мнению самой Старрайзе, сказка была банальной донельзя. Да и рассказчик из неё не очень. Но, похоже, паренёку понравилось. Он вообще вёл себя точно так же, как и должны вести себя обычные дети в четыре или в пять. Это одновременно и успокаивало, и пугало. Старрайзе

никогда не думала, что она может эти два чувства испытывать одновременно. Она не думала даже, что эти чувства вообще хоть кто-то может испытывать одновременно. Оказывается, зря.

– Только нам нужно найти большую пещеру.

Старрайзе, увлечённая своими мыслями о странности чувств, только кивнула. Между тем мальчик привёл её на ровную площадку. Тут он хлопнул в ладоши. Старрайзе вздрогнула и зажмурилась. Над площадкой появились светящиеся шары, такие же, которыми освещалось крыльцо замка. Открыв глаза, девушка осмотрелась. Они стояли у входа на ровную площадку, и дорожку, по которой они шли, и саму площадку окружали высокие деревья. На самой площадке стояли машины. Были тут несколько небольших, похожих на японские, машин. Была пара лимузинов – серебристого и золотого цвета. Было и нечто, похожее на монструозный вездеход, на огромных колёсах. Лично Старрайзе больше всего привлёк грузовик высокой посадки, большелобый, внушающий чувство стабильности даже одним своим видом. Старрайзе обернулась, и с её губ чуть не слетел возглас восхищения. Там, чуть вдалеке, виднелись ворота. Шары появились не только над площадкой, но и над всей дорожкой, что позволило увидеть выход. Серебро ярко выделялось на фоне тёмного металла остальной ограды, так что девушка сразу узнала его. В любом случае, нужно было попробовать. Если только в машине есть топливо. Если только грузовик сможет пробить ворота. А если нет, то она всегда может списать на то, что случайно не ту кнопку нажала. Или ещё что. Тут же Старрайзе волевым усилием остановила бурный поток мыслей и кинула взгляд на своего молчащего собеседника. Тот с интересом разглядывал её. Девушка вспыхнула. Но, похоже, паренёк не читал её мысли на этот раз. А если и читал, то... прочёл не совсем то.

– Да, ты права. Этот грузовик сойдёт, – сказал он.

Они договорись, что паренёк, – он наконец сказал своё имя: Альтиста, – пройдёт чуть вглубь «леса», а потом придёт спасать прекрасную леди. То есть Старрайзе. Альтиста ещё раз повторил нехитрые инструкции и направился в сторону деревьев. А девушка залезла в кузов грузовика. Тут её ждал ещё один сюрприз. Ключи машины мило торчали в замке зажигания. «Хорошая тут система безопасности!» – фыркнула девушка. Но всё же... неужели всё так просто? Всё просто не может быть так просто! Старрайзе попыталась завести двигатель, мысленно благодаря своего дядю, который когда-то и научил её водить грузовики. Старрайзе тогда было лет шесть. И она обожала дядю – большого, даже по сравнению с её ростом тогда, огромного мужчину с огромными же руками, которыми он бесконечно, кажется, крутил баранку своего грузовика. И грузовик его Старрайзе тоже обожала. Он был похож на дядю – такой же большой, надёжный и пахнущий бензином. А ещё добрый. В чём заключалась доброта грузовика, сейчас, по прошествии стольких лет, Старрайзе не смогла бы сказать. Но тогда... тогда он представлялся ей живым и добрым.

Вынырнув из сладких воспоминаний, которые на несколько секунд унесли её в далёкое далёко, Старрайзе попыталась тронуться с места. Нужно было разогнаться перед воротами. Грузовик как-то странно фыркнул и резко понёсся по дорожке. Старрайзе вдавило в кресло. Уже совсем близко ворота. Что будет, когда грузовик упрётся в них? На минуту Старрайзе пронзила мысль, что этот её план побега очень смахивает на не слишком изощрённый способ самоубийства. Но поделаться уже ничего было нельзя. Хотя... внезапно грузовик резко остановился. Старрайзе мотнуло вперёд, но ремни, которыми она всё же догадалась зафиксировать себя, не дали девушке уткнуться лицом в стекло, и спружили её обратно на сидение. Грузовик тут был ни при чём. Мотор продолжал работать, колёса, скорее всего, тоже вращались, как безумные. Но недолго. Грузовик постепенно умолк и тогда неведомая сила, что держала его, отпустила. На удивление осторожно. Девушка выползла из кабины. Ноги не держали. Подняв глаза с дорожки, она увидела Альтиста.

– Спасибо, – и как только Старрайзе успела так быстро сориентироваться? – Если бы не ты.

– Ты хотела сбежать, – твёрдо сказал мальчик, разглядывая девушку.

– Нет, – сердце ухнуло, провалившись куда-то вниз, – я случайно. Хотела попробовать... ошиблась, – Старрайзе попробовала улыбнуться, но улыбка скорее всего вышла уж очень жалкой.

– Ты хотела сбежать. Ты обманула меня, – сказал Альтиста, – врать нехорошо. За это наказывают.

Перед ней был тот же маленький мальчик. Но сейчас Старрайзе по-настоящему испугалась. Альтиста словно стал выше, волосы растрепались, и теперь по ним пробегали искорки. Казалось, от тела мальчика исходит свечение. Блестящие змейки пробегали по коже рук, заканчиваясь в ладонях, в которых теперь разгорался небольшой искрящийся шарик. Старрайзе никогда не видела шаровую молнию, но подумала, что именно так это явление природы могло бы выглядеть. Ей стало страшно. Она знала, что должна что-то делать сейчас. Бежать, например. Но ноги приросли к земле, а взгляд всё не мог оторваться от набухающей шаровой молнии.

И тут... Старрайзе не поняла что произошло. Но внезапно лицо Альтисты исказилось, вздрогнуло в гримасе боли. И начало оплывать. А затем начала оплывать, таять, как снеговик, и вся его плоть, расплываясь туманом. Ошеломлённая, она всё ещё не могла отвести взгляд, когда её схватили за руку.

– Идём, идём же!

Этот голос вывел девушку из оцепенения. И она обернулась, чтобы увидеть лицо говорившего – молодой мужчина, чуть старше её. Со слишком крупными чертами. Он говорил ещё что-то и тянул Старрайзе за руку, но она не сразу услышала и поняла.

– Идём, здесь тебе нельзя оставаться. Пока они не схватили.

Старрайзе кивнула. В принципе, она была согласна с обоими предложениями. И куда бы ни повёл её этот человек, там, возможно, будет лучше, чем здесь. В месте, где бродят окровавленные привидения, а пятилетние малыши удерживают грузовик на полном ходу. Она последовала за говорившим, спотыкаясь во внезапно наступившей тьме. Пройдя чуть, она обернулась, чтобы увидеть, как тело Альтисты полностью растаяло туманом. Но этот туман не растворился, а собрался в одном месте вихрем. Секунда, и вот уже из вихря возникают очертания... нового тела? Да. Именно. Но теперь это тело определённо взрослого человека. На короткий миг Старрайзе увидела его лицо. Молодое лицо, которое улыбалось ей чуть кривоватой усмешкой.

Спроси Старрайзе, она бы никогда не вспомнила, как они шли по темноте. Куда и сколько. Но они всё же пришли куда-то. Девушка оказалась в тёмном фургоне машины, которая сразу же понеслась куда-то вперёд. Ошеломлённая, Старрайзе хотела что-то спросить у притаившего её сюда человека, но не успела. Чуть хриловатый голос, раздавшийся из недр грузовика, разрушил её планы.

– Так ты и есть Джокер? Что же, я не совру, если сейчас скажу за всех нас. Мы рады, что ты здесь. А не там.

– Пугающее заявление, – сказала девушка прежде, чем сообразила прикусить язык. Прикусывать язык это больно, кстати. Старрайзе об этом раньше не знала, поэтому чуть снова не вскрикнула. А когда перед глазами разошлись цветные круги, то она увидела перед собой невысокую фигуру, завёрнутую в плащ. Фигура от души веселилась, и смех её был каким-то... успокаивающим, что ли. Остальные, – а тут было как минимум человек пять, – тоже веселились, но не так громко. Отсмеявшись, фигура, – Старрайзе так и не смогла различить черт лица, – сказала:

– Я понимаю тебя. Хотя – вру. Хрен я тебя сейчас понимаю. Никогда не был в такой ситуации. Но... так получилось. Позволь представиться. Меня зовут Циатра. Моя карта – туз пик. И я – лидер Сопротивления.

Глава 6

– Да как ты вообще мог это допустить! – всегда такой спокойный Хейнтайллль был вне себя от ярости. А вот Эдаттсани, напротив своего обыкновения, совершенно не выражал пока своих чувств. Он стоял чуть в стороне, улыбаясь. И улыбка эта была такой, что, будь на месте Альтисты кто другой – испугался бы насмерть. Но Альтисту не так легко было напугать. И вовсе не потому, что он был таким уж смельчаком... а потому, что он поболее других был нужен Ордену. И самое главное – он знал, насколько он нужен и важен. Ему прощалось многое. Даже слишком многое, – как считали старшие члены Ордена. Но Альтисте было всё равно. В любом случае он вовсе не собирался становиться серьезнее. Вот и сейчас приходилось сидеть и выслушивать, как его честят. Не в первый раз, но всё равно неприятно, конечно.

– Хейнт прав, – заявила присутствовавшая здесь невысокая черноволосая женщина. Она была закутана в одежды из черного и золотого – форма высших магистров Ордена. – Он столько времени потратил на...

– Да не потратил он ничего! – не выдержал Альтиста. – Ведь последний Джокер появился недавно. А что касается предыдущих, то тут...

– Помолчи, Альт! – строго сказала женщина. – Укроти язык, пока не сболтнул того, о чём можешь пожалеть!

Альтиста вздохнул. Но замолчал. А Хейнтайллль продолжил, воспользовавшись его недолгим, – он точно знал – недолгим, – смущением.

– Ты совершенно не понимаешь, что случилось, да? У нас был в руках Джокер! И возможность привлечь его на свою сторону! А что теперь? Как ты думаешь, кто её вытащил оттуда? И что теперь ей наговорят в Соппротивлении!? И всё из-за того, что ты играешься в...

– Я не виноват, что я так хорошо воплощаюсь! – воскликнул Альтиста. – Я настоящий артист, и если я воплощаюсь, то полностью – и внешне и внутренне! Это только у вас – разум старца в трёхлетнем ребёнке. Даже смотреть противно! Вы просто не понимаете высокого искусства воплощения. А ведь наши предки поистине считали это искусством. Даже в Ортомеренкг говорится, что изначально наши предки стали воплощаться в материальные тела ради красоты искусства, и только потом открыли, что это может быть...

Тут Альтиста резко закрыл рот, так, что зубы друг о друга стукнули. А всё потому, что буквально наткнулся на холодный... да что там холодный – ледяной взгляд Хейнтайллля. Хейнтайллль удовлетворительно кивнул и отвёл взгляд. Альтиста тут же закончил фразу:

– Полезно и для чего другого.

Хейнтайллль то ли застонал, то ли просто заскрипел зубами. Эдаттсани, до того молчавший, искривил свою улыбку ещё больше и спросил:

– Может, всё-таки, чуть-чуть по особо чувствительным местам. Или не чуть-чуть? Для профилактики. Раз уж он так хорошо воплощается? – тут Эдаттсани плотоядно ухмыльнулся и пристально посмотрел на Альтисту. Уж на что тот был пофигистично настроен, но и то неосознанно вздрогнул. Он видел, как Эдаттсани ведёт допрос, и видел, как он наказывает. Два раза видел. Ему хватило. Но тут же Альтиста вновь постарался принять свой обычный спокойный вид. И совершенно успокоился, когда услышал ответ Хейнтайллля.

– Успокойся, Эдаттс. Может, потом.

– Ты это уже пятый раз говоришь, – проворчал Эдаттсани, – а если бы ещё давно...

– Может, у нас и не было бы таких проблем сейчас, – поддержала женщина, – Ты прав, конечно, но...

Что «но» – она и сама не могла бы объяснить. Но... всё действительно так и было. Альтисте многое спускалось с рук.

– Но почему именно тогда ты выбрал такой вид? – в голосе Хейнтайлла появились даже умоляющие нотки. – Почему именно сегодня. Ведь ты знал, кто у нас в гостях!

– Она пришла позже, чем я воплотился.

– Ты мог бы развоплотиться! – сказала женщина строго.

– Но это... было бы неправильно, – пробормотал Альтиста.

– Почему? Или скажешь, что ты не можешь сбросить оковы маски?

Альтиста фыркнул. Сбросить оковы маски, выйти из роли – Альтиста ненавидел эти пафосные фразы. По сути они означали только одно: когда кто-то из них воплощался в тяжёлое физическое тело, то он словно разделялся психически на две части. Одна из частей воспринимала психику того существа, которому надо соответствовать по воплощению. Согласно возрасту или полу. Эта часть была на виду. Её использовали для жизни и общения с окружающим. Вторая часть оставалась всегда в тени сознания. Она воплощала в себе истинную сущность и память о том, кем является воплощённое существо. Память о ней всегда была с первой частью сознания. И при необходимости, угрозе или невозможности дальше действовать с помощью психических характеристик первой части, существо вновь могло стать цельным и независимым от воплощённого тела. Правда, многие из них не шли на такие сложности, а попросту оставляли при воплощении разум целым. Ну, практически. Всё равно выбранные пол и возраст чуть влияли на сознание. А некоторые не меняли воплощенные тела десятилетиями. Альтиста был иного мнения. Он любил менять тела и маски. И считал, что во всех должен действовать как артист, чьё высшее искусство – всегда играть, находясь в роли. Но только как это объяснить остальным... вон как они на него смотрят! Так и съедят. И Альтиста выбросил свой козырь.

– И вообще, почему она начала путешествовать по замку? К тому же – была напугана. И хотела сбежать.

– Ты не говорил этого, – заметил Хейнтайлл.

– Ну да, она была напугана. Тогда, со стороны пяти физических лет, я не заметил этого. А если и заметил... в общем, не обратил внимания. Но теперь вспоминаю.

– Это интересно, – сказал Хейнтайлл. – Но что могло с ней случиться? Она была совершенно спокойна, когда мы ужинали. Мне даже показалось...

– Что она влюбилась в тебя, да? Так это тебе всегда кажется, – съехидничал Альтиста.

– Вообще-то, это «кажется» всегда оказывается правдой, – вновь заворчал Эдаттсани.

– Ты что, завидуешь? В самом деле? – спросил Альтиста.

– Хватит! – женщина прекратила едва начавшуюся ссору. Она закатила глаза.

– Ладно, – сказал ничуть не смутившийся Хейнтайлл, – я посмотрю, что там не так в башнях для гостей.

– Ты думаешь, там кто-то есть? Кто? И почему мы не почувствовали? – спросил Эдаттсани.

– Ничего нельзя исключать, – пожал плечами Хейнтайлл. – И не стоит считать себя слишком уж... – он развёл руками.

– Суперскими? – ввернул подцепленное недавно от людей словечко Альтиста.

Хейнтайлл вздохнул. Он хотел было прочитать Альтисте уже досконально известную тому речь о чистоте слов, но удержался. Какой толк?

– Я сегодня же займусь этим, – Хейнтайлл нехотя встал.

– А что с Джокером? – спросила женщина.

– Попытаемся найти её. Всё же она должна будет выйти в контролируемые территории города.

– И всё же, нужно найти их базу. Мы так долго говорим, что Соппротивление полные идиоты... и никак не можем не то, что поймать, а даже найти хоть одну базу этих идиотов. Странно, правда? – весело спросил Альтиста.

– И всё же, может, стоит... почувствительнее, – пробормотал Эдаттсани. И его ухмылка вновь стала плотоядной. Альтиста не стал дожидаться, что ответят остальные, и тихо-тихо, как-то боком вышел из комнаты.

– Можешь бежать, – вслед ему полетел уж совсем насмешливый голос Эдаттсани, – а я всё же на ближайшем совете буду настаивать на твоём наказании. Пока ещё что-то не произошло по твоей вине. Артист хренов!

– Эдаттсани! – строго сказала женщина.

– И не просите меня больше! Я считаю, что это необходимо! – заявил Эдаттсани.

– Возможно, он прав, – вздохнул Хейнтайлл, – хотя мне тоже не очень нравится эта идея.

– Предатели! – Альтиста, который никуда не ушёл, а подслушивал за дверью, не поленился опять войти в комнату и разыграть чувство оскорблённого достоинства.

– Да, да. И ты больше с нами не играешь, – фыркнул Хейнтайлл.

Альтиста обернулся и вышел из комнаты. Настроение у него резко стало вовсе не радужным. Слишком хорошо он знал Эдаттсани. И остальных членов совета. Но неужели Хейнтайлл тоже будет голосовать за идею Эдаттсани? Что же, гении никогда не признаются, но подвергаются гонениям. Эта мысль, подцепленная Альтистой от людей, на этот раз почему-то не успокоила его. Оставалось только надеяться, что к совету Эдаттсани немного охладет от гнева. С ним это часто бывает. Если сразу не убил, то, возможно, поразмыслив, убивать не станет. В отличие от того же Хейнтайлла, которого совершенно невозможно сбить с толку или умолить, если он принял решение. Альтиста всё время подкалывал его фразой, которую услышал в одной из человеческих песен: «Если я чего решил – выпью обязательно».

Проснувшись, Старрайзе удивилась темноте в помещении. И только через некоторое время она поняла, что темноту создают наглухо закрытые шторы. Девушка соскочила с постели и подбежала к окну. Резким движением раздвинула шторы, вторым, не менее резким движением, открыла окно, впустив свежий воздух. Неизвестно почему, но Старрайзе ждала, что база Сопротивления находится где-то под землёй, где никто даже предположить не может её местонахождение. Но база находилась где-то в природе, на холме, где с одной стороны был лес, а с другой – поля. Где-то вдалеке виднелась лента реки. Воздух был чистым и свежим. Вообще-то Старрайзе никогда не испытывала особого пиетета по отношению к природе. Никогда не любила отдыхать дикарём, да и пейзажи природы её как-то не особо вдохновляли. Разве что горы... иногда. Но сейчас она по полной программе оценила свежий воздух и вид из окна на верхнем этаже. Старрайзе вдохнула воздух, который принёс запахи неизвестных цветов. В этот самый момент дверь открылась, и Старрайзе, вспомнив о том, что на ней нет даже ночной рубашки, со всей скоростью метнулась на кровать и нырнула под одеяло.

– Ты уже встала? – вопрос был задан девичьим голосом. И таким нежным, что Старрайзе стало стыдно обманывать его обладательницу, и она высунулась из-под одеяла. Как она и ожидала, говорила девушка, совсем молоденькая.

– Я принесла вам одежду. Циатра ждёт вас за обедом.

Девушка подошла к двери, но на пороге остановилась.

– Ах, да, там, за ширмой, ванная.

Приводя себя в порядок, Старрайзе думала. Она хотела порасспрашивать Циатру ещё в машине, но внезапно неизвестно откуда взявшаяся усталость навалилась на неё мягкой, но тяжёлой подушкой, и она заснула в машине. А её, значит, перенесли сюда, раздели, уложили на кровать. А теперь... сколько сейчас времени, сколько она спала? Сколько вообще они ехали, и где находится это здание? Старрайзе быстро привела себя в порядок и вышла за дверь. Ей не терпелось задать вопросы и получить ответы. Но, выйдя из комнаты, она совсем растерялась. Коридор уходил вдаль и расходился, как лабиринт. И куда идти? К счастью, из-за ближайшего поворота вынырнула прежняя девушка и весело сказала:

– Вы уже готовы? Тогда пойдёмте, я вас провожу.

Они шли по коридорам, а Старрайзе вспоминала, что ей раньше говорила Вера о пиках. Их дар – всякие штуки связанные с разумом: телепатия, гипноз и прочее. Старрайзе поёжилась. Не попала ли она из огня в полымя? Но думать было уже некогда, так как девушка открыла перед ней массивные деревянные двери с резьбой в виде цветочного орнамента. Дверь вела в большую светлую комнату, посреди которой за накрытым столом сидел Циатра. Теперь она могла получше рассмотреть его. Судя по первому взгляду, Циатре было не больше тридцати пяти. Его черты лица были не так совершенны, как у Хейнтайлля, не так изящны. Да и морщинки у глаз уже собрались. И всё же что-то привлекало в этих, немного крупных и неправильных чертах. Циатра был одет совсем просто. Чёрные брюки, чёрная рубашка. Сильные мускулистые руки спокойно сложены на коленях. Он смотрел в зажженный камин, а потом, когда девушка подошла, посмотрел на неё и улыбнулся. «Ну, прямо дежа вю», – подумала Старрайзе и, конечно, настроения ей эта мысль не прибавила. В любом случае, дороги назад не было. Она прошла вперёд и скромно уселась на краешек стула. Только тут она заметила, что еда приготовлена только для неё одной.

– Сейчас не время ни дня обеда, ни для ужина, – сказал Циатра, видимо, прочитав недоумение на её лице. – Но, поскольку вы проголодались...

– Откуда вы знаете? – спросила Старрайзе, заметив про себя, что действительно хочет есть.

– Мне пришлось усыпить вас, а после такого сна все хотят есть, – совершенно спокойно сказал Циатра.

– Вы меня усыпили? – Старрайзе отставила тарелку и посмотрела на Циатру как ей казалось, осуждающе-грозным взглядом. То ли взгляд получился не слишком осуждающим, то ли вообще не грозным, но Циатру это нисколько не смутило.

– Просто, это был самый лучший способ спокойно переправить вас к нам. Пока вы были в гипнотическом сне, никто из Ордена не мог заметить вас.

– Вот это интересно, – Старрайзе решила сделать вид, что довольна объяснением. Вовсе не потому, что на самом деле была довольна, а потому, что сейчас, кажется, у неё появился шанс узнать ответы на более интересные вопросы. – Кто они такие, этот Орден?

– Они не люди.

– Это я поняла уже, – хмыкнула Старрайзе, вспомнив туман, из которого создавалось новое тело Альтисты. – Но кто же они тогда?

– Мы не знаем, – Циатра развёл руками, – но мы знаем, что они приняли непосредственное участие в этом мире. И в некоторых других мирах нереала. Так мы называем миры... возможно, они приняли участие в создании всех этих миров.

– Я поняла. Но если Орден создал эти миры и устроил в них всё. В общем, неплохо устроил, как мне говорили...

– Махи тебе говорили?

– Кто?

– Махи. Так мы называем тех, кто, попадая в этот мир или другой мир, и просыпаясь, совершенно всем доволен. И живёт тут одним днём, используя миры, как площадку для игр. И ни о чём не задумываясь.

– А что в этом плохого? – спросила Старрайзе с вызовом.

– Ровным счетом ничего, – пожал плечами Циатра, – кроме того, что это весьма детская позиция.

– Да? И какую же позицию предлагаете вы?

– Во-первых, мы предлагаем, – Циатра сделал упор именно на последнем слове, – мы предлагаем отказаться от позиции стада овец. Знаешь, овцы в сущности неплохо живут... они пасутся на свежей травке. Их защищают от волков, только что родившихся ягнят могут на

время взять в дом. Но у овец есть хозяин. И если этот хозяин захочет шашлык... то он получает шашлык. Или шубу из шкуры. При этом мнение овцы, конечно, не спрашивается. Их мнение никого не интересует. Понимаешь, о чём я?

Старрайзе хмыкнула. Да, недовольные режимом встречаются везде. Но стоит ли им доверять? Она была уверена, что Орден рассказал бы много чего интересного про Сопротивление. В любом случае, верить она не спешила.

– А вы хотите сами стать хозяевами... овец? – невинно спросила девушка.

Но оказалось, Циатру не так уж легко поймать. Он улыбнулся.

– В любом случае, лучше мы, чем какие-то потусторонние твари?

– Чем же?

– Мы – люди. А людьми должны править только люди.

– Да, у них охрененно получается, – съязвила Старрайзе.

– Я бы не стал делать поспешных выводов. Откуда вам известно, что в реальном мире людьми правят... люди?

«Прямо передача „Тайны мира с Анной Чапман“», – подумала Старрайзе.

– Но я, в общем, не говорил, что мы хотим править. Мы просто не хотим, чтобы нас пасли... и иногда ели. Это не очень приятно. Живёшь и живёшь. И вдруг – тебя режут и едят.

– И самое главное, не свои же братья люди, – не смогла сдержаться, чтобы не поддакнуть Старрайзе.

Циатра вздохнул.

– То есть, если я скажу, что мы просто хотим свободы для людей, вы мне не очень поверите.

– Нет. Не очень...

– Ладно. Оставим. А что если я скажу, что мы не хотим допустить Орден в другие миры? Ведь там они тоже попытаются править.

– Это интересно... и как же они могут проникнуть в эти миры? А главное – как вы можете попытаться им помешать?

– Проникнуть они могут попытаться с помощью Джокеров. Только Джокер может дать своему избраннику способность протащить в другой мир ещё кого-то, кого в том мире до этого не было. А помешать им... помешать им можно, только не позволив найти и захватить носителей этих карт. Кстати. Они уже пытались это сделать. В результате несколько Джокеров погибло. Мы не знаем, как это произошло и почему. Или Джокеры отказывались с ними работать и были запытаны до смерти... Или просто фокус не удался. Всё, что мы можем – это хранить найденного Джокера от Ордена.

Старрайзе содрогнулась. Она вспомнила девушку-привидение, явление которой и послужило толчком к её побегу из замка Ордена. Она отставила тарелку и, подняв глаза на Циатру, тихо спросила:

– Я влипла, да?

– Вы удивительно точно описали свою ситуацию. И очень лаконично.

Когда Циатра встал и поклонился ей, не убирая с лица улыбки, Старрайзе почувствовала, что сейчас больше всего хочет захватить по этой самой улыбке. Но сдержалась.

Чёрный волк в минуту взлетел на высокий холм. Он повёл лобастой головой и принялся к воздуху. Потом поднял вверх голову и завыл. Это был большой волк с мощными челюстями и не знающими усталости ногами. А ещё с разумом. Конечно, мозг волка чуть портил психику существа, создавшего это тело точно так же, как другие шьют одежду. Но... Хейнтайллю даже нравилось ощущать не свойственные ему в другом обличье чувства. Ярость, гнев, подчас – желание вцепиться кому-нибудь в глотку и рвать, рвать... иначе зачем такие шикарные челюсти? Вот и сейчас гнев ослеплял. И попадись кто Хейнтайллю, он бы вцепился в горло,

не задумываясь. Он вновь склонил голову набок и снова принялся. Когда он искал что-то, он часто совершал это движение, подсмотренное им у хищников. Хотя, конечно, то чувство, которое помогало Хейнтайллию находить что-то, не имело никакого отношения к обонянию. Он фыркнул, буквально выплёвывая свежий ночной воздух. Отсюда, с холма, он видел город. Один из городов мира, который когда-то создал с братьями. Были ещё города, они тянулись по всему континенту от южного Реетта, до северного, покрытого снегами Льятта. От западного Праги, до восточного Артариссы. А дальше... дальше тоже была земля, которая постепенно сходила на нет, уходила в пустоту межвременья и междумирья, словно в молоко. И были ещё миры. Такие же, как этот. Созданные их волей. Но откуда пришёл их народ? Почему начал строить миры? Зачем открыл их для этих смешных существ, вынужденных жить в одной и той же плоти? И главное – почему они не могут покинуть эти миры? Ведь были они где-то раньше? Как умудрились они создать ловушку и захлопнуть дверь, оставив в плену самих себя? Никто не знал на это ответы. Всё, что у них было – это память о том, как они проснулись здесь. И отголоски памяти о том, что когда-то, давным-давно, они были где-то ещё. И тогда они были свободны. И не боялись того, что практически иллюзорные, созданные ими миры рухнут в одночасье, утонут в молоке безвременья, и увлекут своих создателей за собой. А может, над ними подшутили другие существа? Те, которые настолько же выше их, насколько они выше людей? Хейнтайль не знал этого. Сейчас он смотрел на город в огнях. И его пробирало зло. Эти создания там, внизу – по большинству тупое стадо. Они только и умеют, что жрать и пить. Спариваться и драться друг с другом. Каждый из них, даже практически каждый из проснувшихся, воспринимает здесь всё как должное. Как некий бонус или приз непонятно за что. Хотя бы подумали, за что им приз давать! А ведь если миры умрут, то с этими... ничего с ними не сделается. Нет, конечно, можно по-настоящему убить любого из этих людишек, но даже на одну такую смерть требовалось потратить слишком много силы. Так что, рухни этот мир – с людьми ничего не станется, просто вся их жизнь будет проходить отныне в других мирах. А об этом они даже и не вспомнят... возможно. Хейнтайллию было сложно. Но он, верный себе, всё же признавал, что завидует этим созданиям. Они вызывали у него брезгливость, злость... и зависть. Волк потянулся до хруста в костях. Сегодня он опять он не смог ничего найти. Он искал... среди всех проснувшихся карт он пытался найти те немногие, редкие искорки, которые взял под своё покровительство Джокер. Когда-то он сам пытался вступить в контакт с этим загадочным существом, но Джокер, явившись на встречу, только рассмеялся Хейнтайллию в лицо. Он вовсе не собирался спасать ни его самого, ни его соотечественников. Даже нет. Не так. Джокер заявил, что если хотя бы один его избранник решит помочь Ордену, то он тоже станет на его сторону. И ведь пару раз Хейнтайллию удалось найти редчайших избранников своего Шута. Но... каждый раз всё срывалось. В последний раз, когда... ох, Хейнтайль даже вспоминать об этом не хотел – так всё тогда получилось неудачно. И вот теперь он нашёл ещё одну искру... и что? Из-за того, что Альтисте захотелось поиграть в детей, эта искра утрачена! И сейчас она с Соппротивлением. Соппротивление вызывало злость Хейнтайлля. Но и уважение. Эти существа в отличие от многих других не приняли всё как должное. Они начали задавать вопросы. И находить ответы. И пытаться заставить окружающее плясать под свою дудку. Да. Они, по крайней мере, вызывали уважение. Но... Хейнтайль поднял голову и ещё раз завыл. Он чувствовал их. Конечно, чувствовал. Но найти не мог. Неужели их магия настолько сильна? А он и не предполагал раньше. Хейнтайль ещё раз прислушался-принюхался к воздуху. Его обострённые донельзя чувства молчали сейчас. И наконец, он исчез с холма, лишь махнув на прощание хвостом.

Старрайзе жила в доме Соппротивления. Если жилище Ордена напоминало дворец, сочетающий в себе несколько стилей, то место жительства Соппротивления было классическим средневековым замком по виду. Даже окна, которые были достаточно высокими, виделись

только изнутри. Снаружи они выглядели как часть стены. Для того чтобы не нарушить гармонию «мрачного средневековья» – высокий каменный замок и маленькие окна бойницы. Впрочем, внутри присутствовал комфорт, который, конечно же, и не снился средневековому замку. Да и сам камень стен... Старрайзе не была уверена, что это камень. Хотя... кто знает. Старрайзе поначалу удивлялась – ведь замок находился прямо под носом Ордена. Не заметить его... тут даже слепоты не хватит. Но Циатра объяснил ей, что замок защищён магией.

– Незнающий может пройти эту долину вдоль и поперёк, прочесать каждый кустик, землю перелопатить, но не наткнётся на замок. Потому что сам замок лежит... как бы это сказать... вот представь складку на ткани. Вот в такой складке, – только складке пространства, – и лежит наш замок.

Не сказать, чтобы Старрайзе всё поняла, но уверилась, что тут она и правда в безопасности от Ордена. Уж если до сих пор не нашли эту каменную махину... только, правда, Старрайзе вовсе не чувствовала себя в безопасности от Сопротивления. Но тут уж ничего не поделаешь. Пока девушка решила жить здесь. По крайней мере, никто её никуда не призывал, автомат в руки не давал... и даже не рассказывал ещё раз о том, какие плохие ребята в Ордене сидят, ай-яй-яй вообще. К тому же, к приятному удивлению Старрайзе, в Сопротивлении обнаружилось не так уж много фанатиков, как она ожидала вначале. Хотя, фанатики, безусловно, были и здесь. Старрайзе обживалась в замке и дивилась на его убранство. Золото, серебро, драгоценности повсюду. В общем, пафоса было даже больше, чем в жилище Ордена. И это настояжилось. Циатра, однажды заметив, как Старрайзе с полуулыбкой осматривает колонны центрального зала, инкрустированные драгоценными и полудрагоценными камнями, сказал:

– Ну да, не спорю. Роскошь. И даже пошлая... местами. Но с другой стороны – а почему бы и нет? Если есть возможность. Поверь, леди Джокер, мы вовсе никого не убиваем, не воруем, и не... как там это говорилось в вашей стране раньше... не эксплуатируем.

Слово прозвучало странным огрызком чего-то чужого. Уже не в первый раз Старрайзе замечала, что слова, сказанные на русском, – она была уверена в этом, – пусть и сказанные без малейшего акцента, звучат тут подчас как что-то, совершенно не вписывающееся в строй предложения. При этом она вовсе не могла поверить в давние слова Веры о том, что тут говорят на каком-то другом языке. Даже после того, как, перезнакомившись со многими в Сопротивлении, узнала, что тут находятся люди из разных стран. Вот и сейчас... правда, нужно признать, что эксплуатация – действительно слово не от мира сего. Старрайзе попыталась придать своему лицу более привычное выражение и стёрла с него ухмылку.

– Мне всё равно, – сказала она как можно отрешённое.

Циатра только головой покачал.

– Ты не доверяешь нам, это правильно. Хотя и печально для нас. Но это не значит, что ты не можешь учиться. Как раз сейчас Тиара ждёт тебя на урок.

Старрайзе кивнула и заспешила по коридору в одну из башен, где обычно занималась с Тиарой – одной из помощниц Циатры.

Старрайзе действительно училась. Училась управляться своими способностями, которые стали появляться и расти, как грибы после дождя. Правда это, как и в случае с рисованием, было похоже на воспоминание. Иногда Старрайзе казалось, что вот-вот – и она вспомнит: когда именно она это умела. Умела чувствовать настроение и настрой других, умела отличать правду ото лжи, умела хоть чуть, а всё же влиять на окружающих. Тиара вовсе не удивилась, когда девушка однажды рассказала ей о своих чувствах.

– Во-первых, карты выбирают нас не просто так. И все их «дары» которые они дают, всё это в нас уже есть. Карта лишь помогает нам раскрыть потенциал. Мало того – иногда в детстве мы уже владеем этими способностями, но забываем их. Если, конечно, рядом с нами не находится кто-то, кто замечает и понимает. И старается развить.

Старрайзе кивнула. Но от понимания того, что она сейчас «делает то, что должна делать», легче не становилось. Иногда она чувствовала, что буквально тонет в чужих эмоциях, и начинала захлёбываться. Даже физически дыхание перекрывало. Тогда девушка бежала в лес или на луг. Или в свою комнату. Она быстро узнала, что всё – предметы, сделанные людьми, деревья камни, ветер и вода, дождь и самая маленькая травинка – тоже имеют свои чувства. И она их тоже ощущала. Но чувства всех, кто – как она ещё недавно искренне считала – не обладает не то, что разумом, но даже жизнью, все их чувства были другими. Они были... как-то упорядоченнее, даже сильные чувства. Плавать по их волнам было легче. Это была не бурная ледяная речка и даже не штормящий океан. Это было Мёртвое море, в котором не надо прилагать усилий, чтобы не утонуть. Вода сама тебя поддерживает. Иногда ей очень помогало рисование. Выплеснув на холст очередную порцию наводнивших её чувств, чужих и своих, она ненадолго словно опустошала от них свою душу, что приносило облегчение. Словно сваливался *тяжёлый* камень. Нет, даже горсть камней.

Удивили её и чувства животных. Более резкие и острые, чем у людей, они виделись то более ярко, – гораздо ярче, то совсем уж тускло. Середины, которая в основном и была в людях, в животных не было.

– Подожди. Скоро я научу тебя переносить часть души в животное, и тогда ты сама сможешь видеть, чувствовать, как зверь или птица.

– А... это...

– Не опасно. Если постепенно. И под руководством сначала. Вот если сама начнёшь пробовать, то я не ручаюсь, что там же и не останешься. Просто сольёшься с разумом животного.

– Что же тогда с моим телом будет?

– Может, умрёт. А может, впадёт в кому.

В общем, Старрайзе и боялась этого «момента воплощения», и ждала его. Ведь правда – интересно почувствовать, что ощущает птица в полёте? Рыба в реке? Охотящийся волк?

Как и в реальности, Старрайзе сразу же привлекла внимание противоположного пола. Она никому ещё не сказала «да», но внимание это ей было приятно, и она всячески авансировала его. Пока Тиара не решилась с ней серьёзно поговорить.

– Тебе это нравится?

– Что?

– Такая настойчивость наших парней?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.